

ИГОРЬ
КНЯЗЬ СЪВЕРСКІЙ

ПЕРЕВЕЛЪ
НИКОЛАЙ ГЕРБЕЛЬ

4 P. d. russ. 2 c

<36611338040018

<36611338040018

Bayer. Staatsbibliothek

G. P. v. miss.
2^c

131. 2. 11.

ИГОРЬ КНЯЗЬ СѢВЕРСКІЙ

ИГОРЬ КНЯЗЬ СТВЕРСКІЙ

СЛОВО О ИЖАВѢ ИГОРЕВѢ

ПОЭМА ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ПѢСНЯХЪ

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО

НИКОЛАЙ ГЕРВЕЛЬ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
876 Обмен 931

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1876

(170)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Слово о полку Игоря» — безъ сомнѣнія, есть самое замѣчательное и притомъ едва ли не самое поэтическое произведеніе нашей древней поэзіи. Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древне-русской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которыя съ перваго взгляда обличаютъ въ сочинителѣ необыкновеннаго художника. Эти чудные, родные звуки, дошедшіе къ намъ изъ глубины двѣнадцатаго столѣтія, изъ тѣмныхъ времёнъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, передаютъ намъ въ безыскусственныхъ, поэтическихъ и часто величественныхъ образахъ одинъ печальный эпизодъ смутнаго періода, отмѣченнаго въ лѣтописяхъ всего однимъ краткимъ перечнемъ нескончаемыхъ битвъ. Этотъ печальный эпизодъ — походъ сѣверскаго князя Игоря, въ 1185 году, на половцевъ, окончившійся страшнымъ погромомъ: истребленіемъ всего русскаго войска и плѣненіемъ самого князя, брата его, буй-туръ Всеволода и его сына, Владиміра Игоревича.

Но кто такой былъ этотъ таинственный пѣвецъ этого злополучнаго похода? Увы! лѣтописи молчатъ о томъ. Правда, существуетъ предположеніе, что пѣвецъ «Слова» есть *премудрый книжникъ* Тимофей, уроженецъ города Кіева, о которомъ упоминается въ «Ипатьевской Лѣтописи» подъ 1211 годомъ, но это только одно предположеніе. Вся біографія пѣвца Игоря — въ его пѣснѣ; а пѣснь свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ былъ мірянинъ и современникъ похода Игоря. Уже одно тѣ обстоятельство, что сочинитель «Слова» избралъ предметомъ для своей эпопеи такое неважное и даже не блестящее происшествіе, тогда-какъ походъ Святослава на половцевъ, предпринятый за годъ до Игоря и увѣнчавшійся такимъ блестящимъ успѣхомъ, былъ у него ещё въ свѣжей памяти, показываетъ ясно, что «Слово о полку Игоря» написано не только современникомъ, но даже лицомъ, участвовавшимъ въ походѣ. Уже по одной этой причинѣ, не говоря о филологическомъ и археологическомъ значеніи «Слова», оно, по самому содержанию своему, какъ единственная, дошедшая до насъ, картина изъ періода междоусобій, важна для историка и интересна для всякаго, кто любитъ переноситься мыслию въ первыя времена нашей исторіи. «Слово» не только рассказываетъ намъ во всей подробности одно изъ характеристическихъ и часто повторявшихся происшествій того времени, отмѣченное въ лѣтописи двумя строками, но передаётъ намъ мысли и чувства нашихъ предковъ, ихъ воззрѣнія на своихъ князей, на княжескія усобицы, ихъ глубокое сознаніе единства Русской Земли, единства русскаго племени, ихъ отвращеніе къ дикимъ порожденіямъ азійскихъ степей,

ихъ любовь къ отчизнѣ и ея защитникамъ, ихъ привязанность къ своимъ роднымъ полямъ, лѣсамъ и сѣламъ, къ тихимъ наслажденіямъ семейной жизни, ихъ уваженіе къ горести слабой женщины и восторженное удивленіе къ героямъ.

Можно сказать утвердительно, что ни одно произведеніе древней русской поэзіи, сбереженное временемъ, не возбуждало такого постояннаго вниманія нашихъ ученыхъ и не подало повода къ такому множеству противорѣчивыхъ сужденій, какъ «Слово о полку Игоря». Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ (причемъ первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту Карамзинымъ въ октябрьской книжкѣ гамбургскаго журнала «Spectateur du Nord», за 1797 годъ) и издано имъ въ Москвѣ, «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ филологовъ и критиковъ. Плодами ихъ изысканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній, съ другой — множество статей критическаго и полемическаго содержанія. Что касается переводовъ «Слова о полку Игоря», то, со включеніемъ перваго, которымъ мы обязаны графу Мусину-Пушкину, у насъ, по настоящее время, вышло въ свѣтъ двадцать-пять отдѣльныхъ изданій (изъ нихъ двѣнадцать прозаическихъ и тринадцать стихотворныхъ), надъ которыми трудилось двадцать-пять ученыхъ и литераторовъ.

Вотъ любопытный списокъ всѣхъ этихъ двадцати-пяти переводовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, въ настоящее время, сдѣлались библіографическою рѣдкостью.

ПРОЗАИЧЕСКІЕ.

1) Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800. (Изданіе графа Мусина-Пушкина, въ которомъ принимали участіе А. Ѳ. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій.)

2) Слово о походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова. Переводъ А. Шишкова. Спб. 1805. («Сочиненія и Переводы, издаваемые Россійскою Академіею», ч. I.)

Тоже. *Изданіе второе* («Собраніе сочиненій адмирала Шишкова», 1826, т. VII.)

3) Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб. 1819.

4) Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою и съ оной переложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Москва. 1823. (Переводъ Николая Грамматина.)

5) Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка Александромъ Вельтманомъ. Москва. 1833.

Тоже. *Изданіе второе*. Москва. 1867.

6) Пѣснь о полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII вѣка на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній русскій языкъ профессоромъ русской словесности Михаиломъ Максимовичемъ, для своихъ слушателей. Кіевъ. 1837.

7) Слово о пълку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени, объяснённое по древнимъ письменнымъ памятникамъ магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ. Москва. 1844. («Русскія Достопамятности», ч. III.)

8) Пѣснь о походѣ Игоря Святославича. Переводъ А. Иванова. («Новая Библіотека для Воспитанья», 1847, ч. V.)

9) Слово о полку Игоревомъ, Игоря Святославича, внука Ольгова, съ переводомъ въ прозѣ и примѣчаніями. С. П. Кораблёва. Москва. 1856.

10) Слово о полку Игоревѣ, по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. Адъюнкта П. Пекарскаго. Спб. 1864. (Приложеніе къ пятому тому «Записокъ Императорской Академіи Наукъ», № 2.)

11) Слово объ Игоревомъ походѣ, Игоря сына Святославова, внука Ольгова. Спб. 1867. (Имени переводчика не означено) ¹⁾.

¹⁾ Названный переводъ представляетъ явленіе до крайности печальное, такъ-какъ при его чтеніи не знаешь чему удивляться болѣе: невѣжеству ли неизвѣстнаго переводчика или его крайней беззастѣнчивости. Переводъ сдѣланъ въ тонѣ покойнаго «Весельчака». Встрѣчаются подобныя выраженія: «Игорь пересѣлъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло изъ *дохлятины*», или—«скверная рѣчонка, *нажравшись* чужихъ ручьевъ» и тому подобныя. Въ крошечномъ предисловіи есть слѣдующая фраза: «И безъ того искаженное временемъ «Слово о полку Игоревѣ» сильно потерпѣло въ новомъ спискѣ, потому-что владѣлецъ рукописи (графъ Мусинъ-Пушкинъ) *по духу своего времени глядѣлъ на ея содержаніе лакейскими глазами и прочелъ ее сообразно та-*

12) Слово о полку Игоревѣ. Переводъ съ славянской древней пѣсни А. Погосскаго. Спб. 1867. («Досугъ и Дѣло», 1867, выпускъ V.)

Тоже. *Издание второе*. Спб. 1868. («Семейные Вечера», 1868, № 3.)

СТИХОТВОРНЫЕ.

13) Походъ Игоря противу Половцевъ. Спб. 1803. (Переводъ Сѣрякова.)

14) Игорь, героическая пѣснь. Съ древней славенской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, переложилъ стихами Александръ Палицынъ. Харьковъ. 1807.

15) Игорь Святославичъ, ироическая пѣснь. Сокращена ²⁾ для «Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» Н. Язвицкимъ. Спб. 1812. («Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова», ч. VI.)

16) Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи, нынѣ

кому взгляду. Что могло подать поводъ неизвѣстному переводчику сдѣлать этотъ грязный намекъ на честную память человѣка, которому русская литература обязана открытіемъ «Слова о полку Игоревѣ» — это рѣшительно непонятно. А вотъ и одно изъ объяснительныхъ примѣчаній переводчика, которое мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь, какъ образчикъ обширности его міросозерцанія и глубины научныхъ свѣдѣній: «не безызвѣстно многимъ, что лебедь поетъ только одинъ разъ, а именно — передъ смертью». Вотъ объ этомъ примѣчаніи дѣйствительно можно сказать, что отъ него вѣтъ передней.

²⁾ «Пѣснь сія переложена уже вся... Здѣсь же, какъ изъ заглавія видно, напечатано одно только сокращеніе сей пѣсни, читанное въ «Бесѣдѣ»; вся же пѣснь съ замѣчаніями напечатана будетъ послѣ, если сіе сокращеніе благосклонно будетъ принято.»

Примѣчаніе Язвитскаго.

переложенная въ стихи старинной русской мѣры Иваномъ Левитскимъ. Спб. 1813.

17) Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, и съ онаго переведенная на употребляемое нынѣ велико-россійское нарѣчіе стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. Спб. 1821. (Переводъ Николая Грамматина.)

Тоже. *Изданіе второе*. Москва. 1823.

18) Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Де-ла-Рю. Одесса. 1839.

19) Слово о полку Игоря. Перевелъ Д. Минаевъ. Спб. 1846.

20) Слово о пълку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея. Москва. 1850. («Москвитянинъ», 1850, № 22.)

Тоже. *Изданіе второе*. Спб. 1856.

Тоже. *Изданіе третье*. («Сочиненія Л. А. Мея», 1862, томъ II.)

21) Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Спб. 1854.

Тоже. *Изданіе второе*. Спб. 1855.

Тоже. *Изданіе третье*. («Отголоски», 1858, т. II.)

Тоже. *Изданіе четвертое*. («Поэзія Славянъ», 1871.)

22) Пѣснь о полку Игоревѣ, переведенная на украинское нарѣчіе Михайломъ Максимовичемъ. Кіевъ. 1857.

23) Слово о полку Игоревѣ. Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Н. Майкова. Спб. 1870. («Заря», 1870, № 1, отд. I, стр. 81—146.)

Тоже. *Издание второе*. («Стихотворенія А. Н. Майкова», 1872, т. III.)

24) Слово о полку Игоревѣ. Переводъ Н. Бицына. Москва. 1874. («Русскій Вѣстникъ», 1874, т. СІХ, № 2, отд. I, стр. 761—801.)

25) Слово о полкови Игоревому. Переспивъ зъ старосвитской грамоти XII ще сталиття. Переклавъ В. А. Кендзерскій. Кременчугъ. 1875.

А вотъ и образчики каждаго изъ поименованныхъ мною переводовъ. Эти отрывки могутъ дать нѣкоторое понятіе о манерѣ и складѣ рѣчи, которыхъ придерживались гг. переводчики въ своихъ прозаическихъ и стихотворныхъ переложеніяхъ «Слова».

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗВѢСТНАГО ³⁾.

Коль прилично намъ, братцы, представить древнимъ слогомъ жалостную повѣсть о сраженіи Игоря Святославича? Мы составимъ оную изъ самыхъ дѣяній тогдашняго времени, не употребляя вымысловъ Бояновыхъ. Ибо Боянь-стихотворецъ когда хотѣлъ воснѣтъ кому похвалу, то мысль его летала тогда по древамъ, онъ бѣгалъ, какъ сѣрый волкъ, по земли и поднимался, яко орѣлъ, подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ МУСИНА-ПУШКИНА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! Начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянь хотѣлъ прославить кого, то носился мыслию по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

³⁾ По списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II.

ПЕРЕВОДЪ СЪРЯКОВА.

Коль пріятно слогомъ древности
 Повѣсть намъ начать прискорбную
 О походѣ князя Игоря!
 Пѣснь начать же гласомъ истины
 По былинамъ того времени,
 А не вымысломъ Бояновымъ;
 Онъ кого хотѣлъ прославить,
 По древамъ носился мыслию,
 Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
 Въ облакахъ сизымъ орломъ летѣлъ.

ПЕРЕВОДЪ ШИШКОВА.

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ
 слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудные повѣствовались подвиги.
 Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ того времени, а не по замысламъ Бояно-
 вымъ. Когда Боянъ велерѣчивый кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслию
 по древамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ ПАЛИЦЫНА.

Любовь къ отечеству зовѣтъ, о россы, насъ,
 Воспѣть брань Игоря на древній предковъ гласъ,
 Какимъ ихъ подвиги вѣщались знамениты:
 Да будутъ бытія и нашихъ лѣтъ открыты.
 Но не дерзнемъ витійствъ Бояновыхъ искать:
 Когда Боянъ кого стремился воспѣвать,
 Онъ мыслию по древамъ въ восторгѣ растекался,
 То сизымъ онъ орломъ подъ облаки взвивался,
 То сѣрымъ волкомъ онъ носился по полямъ.

ПЕРЕВОДЪ ЯЗВИЦКАГО.

Что пристойнѣй слогомъ древности
 Повѣсть рассказать печальную
 О полку — походѣ Игоря?

Кой воспѣтъ князей когда хотѣлъ,
 По древамъ носился мыслями,
 Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
 По поднебесью орломъ парилъ.

ПЕРЕВОДЪ ЛЕВИТСКАГО.

Намъ пріятно, братцы, пѣснь воспѣтъ
 Древнимъ слогомъ — слогомъ жалобнымъ
 О походѣ славна Игоря,
 Не весѣлую — печальную!
 Мы начнемъ её, какъ слышали,
 По былинамъ того времени,
 Не по замысламъ Бояновымъ.
 Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ
 Прославлять когда хотѣлъ кого,
 То носился всюду мыслию,
 По деревьямъ легкой птицею,
 Черезъ холмы будто сѣрый волкъ,
 Какъ орѣлъ сизый подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ ПОЖАРСКАГО.

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича? Начать же оную по бытіямъ сего времени, а не по замыслу Боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ ГРАММАТИНА.

Не воспѣтъ ли, милы братіе, любезные,
 Мѣрой древней, заунывной не воспѣтъ ли намъ
 О походѣ на половцевъ князя Игоря,
 О походѣ неудачномъ Святославича?
 Повѣсть жалости достойная и вѣчныхъ слѣзъ!
 А начнемъ мы по былинамъ сего времени,
 Не по замыслу начнемъ её Боянову.

Вѣщій бардъ, онъ пѣть когда хотѣлъ чьи подвиги,
Онъ по древу растекался смѣлой мыслию,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по земли,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ ГРАММАТИНА.

Не пристойно ли бы намъ было, братья, воспѣть древнимъ языкомъ трудную повѣсть о войскѣ Игоревомъ, Игоря Святославовича? Воспѣтой же быть той пѣснѣ по былямъ сего времени, а не по вымыслу Боянову. Боянъ мудрой когда кому хотѣлъ пѣсню творить, то носился мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ ВЕЛЬТМАНА.

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря — Игоря-Святъславича?

Былое воспѣть, а не вымысль Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ-какъ соки по древу,

Какъ сѣрые волки неслись по пространству и сизымъ орломъ въ поднебесьи парили.

ПЕРЕВОДЪ МАКСИМОВИЧА.

Не славно ли было бъ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича?

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

ПЕРЕВОДЪ ДЕ-ЛА-РЮ.

Или начать намъ, друзья, старымъ складомъ сказаній воинскихъ

Пѣснь о походѣ Олегова внука, Игоря князя?

Пѣснь же ту намъ начать по событіямъ дней настоящихъ,

Но не по замысламъ вѣщимъ Бояна. Боянъ замышляя
Витязя славу воспѣть, соловьёмъ растекался по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрылымъ орломъ въ поднебесьи.

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Не лучше ль намъ было, братцы, начать прежнимъ складомъ важныхъ
повѣстей пѣснь о походѣ Игоревомъ, Игоря Святославича — и начаться этой
пѣсни по событіямъ нашего времени, а не въ духѣ Бояновомъ? Ибо вѣщій
Боянъ когда кого хотѣлъ воспѣть, то носился мыслию по лѣсамъ, сѣрымъ
волкомъ по полю, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ МИНАЕВА.

Начнёмъ, други, складомъ старинныхъ людей
Разсказъ про святыхъ былины:
Какъ Игорь костью положилъ средь степеней
Свои удалыя дружины.
У правды народной одна сторона,
У вымысла гранямъ нѣтъ счёта:
Такъ рѣчь у Бояна восторговъ полна,
Ярка у нея позолота!
Онъ звучную ль пѣсню кому запоётъ —
Раскинется въ вѣтви мыслями,
Онъ волкомъ по черной землѣ протечётъ,
Орломъ пролетитъ подъ звѣздами.

ПЕРЕВОДЪ ИВАНОВА.

Не лучше ли намъ, братцы, начать пѣснь о походѣ Игоревомъ, Игоря
Святославича, старымъ складомъ печальныхъ повѣстей, какъ что было въ
то время, а не пускаться въ замыслы Бояновы? Вѣщій Боянъ, когда хо-
тѣлъ кому воспѣть пѣснь, растекался мыслию по дереву, рыскалъ сѣрымъ
волкомъ по землѣ и поднимался сизымъ орломъ подъ облака.

ПЕРЕВОДЪ МЕЯ.

Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слѣзную о полку князя Игоря,

Князя Игоря Святославича?
 А и пѣсню намъ затягивать
 Про недавнюю былинущу,
 Не по замыслу боянову.
 Коли вѣщему Бояну прилучалось
 Про кого-нибудь пѣсню складывать,
 Растекался мыслию онъ по лѣсу,
 Мчался сѣрымъ волкомъ по полю
 И сизымъ орломъ подъ облакомъ.

ПЕРЕВОДЪ КОРАБЛЕВА.

Не лучше ли будетъ намъ, братія, начать *старинною* унылую повѣсть о походѣ Игоревомъ — Игоря Святославича?

Начать же эту пѣснь по былинамъ сего времени, а не по замыслу Янову. Янъ вѣщій если кому хотѣлъ пѣснь воспѣть, то расцвѣталъ мысленно кудравымъ деревомъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ, сизымъ орломъ леталъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗВѢСТНАГО ⁴⁾.

Кажется, не будетъ неумѣстно, братцы, если мы начнемъ въ старинной формѣ изложенія, формѣ «словъ», скорбную повѣсть объ Игоревомъ походѣ. Да начнетъся эта пѣсня по современнымъ событіямъ, а не по фантазіямъ пѣвца: чуткій пѣвецъ если кому хотѣлъ сложить пѣсню, то носился бѣлкою по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ ПОГОССКАГО.

Не пригоже ли будетъ, братья, начать старымъ складомъ трудную повѣсть о полку Игоря, Игоря Святославича? И начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Боянову. Ибо вѣщій Боянъ если кому въ честь хочетъ пѣсню сложить, то мысли его растекаются древомъ вѣтвистымъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ рыщутъ, сизымъ орломъ парятъ подъ облаки.

⁴⁾ Изданіе 1867 года.

ПЕРЕВОДЪ МАЙКОВА.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
 Со сказаній о старинныхъ браняхъ —
 Пѣснь о храброй Игоревой рати
 И о нѣмъ, о сынѣ Святославѣ,
 И воспѣть ихъ, какъ поётся нынѣ,
 Не гоняясь мыслью за Бояномъ?
 Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
 Быстрой векшей по лѣсу носился,
 Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
 Что орёлъ, ширялъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ БИЦЫНА.

Вотъ, на что бы лучше, братья,
 Начать намъ на старыи ладъ
 Важное сказанье
 О походѣ Игоря —
 Игоря Святославича!
 Начаться же той пѣснѣ
 По современнымъ событіямъ,
 А не по сочиненію Бояна.
 А когда Боянъ вѣщій
 Хотѣлъ кому пѣснь творить —
 Онъ расточался соловьёмъ по дереву,
 Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
 Сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ МАКСИМОВИЧА.

Чи не добре бѣ було, братья,
 Намъ про Игоря войну,
 Заспивать жалибну пѣсню,
 Якъ спивали встарину!
 А начаться нашої пѣснѣ
 По сѣголитнимъ дѣламъ:

Не по умысламъ высокимъ,
 Якъ Боянъ той починавъ.
 Боянъ вищій, коли схоче
 Про кого було співать,
 Заразъ думкою по древу
 Починає вишъ литать;
 Сиримъ вовкомъ побизить вінъ
 По горамъ и по доламъ;
 Орломъ сизымъ понесеться
 Їзъ пиднибеснымъ облакамъ.

ПЕРЕВОДЪ КЕНДЗЕРСКАГО.

Чи не гоже було бъ намъ, братья,
 Почать старими словесами
 Тихъ невеселихъ оповистивъ
 Про Игореви погуляння,
 Про Игоря Святославлича?
 Начатьця жъ бо слидъ пѣсни тѣи
 Бувальщиною цего жъ часу,
 А не по вигадкамъ Боянимъ.
 Боянъ бо мудрый
 Якъ що хотивъ кому пѣсню творити,
 То векшею разгонявся по древу,
 Сиримъ вовкомъ ширявъ по землі,
 Орломъ хижимъ ширявъ по за хмари.

Кстати, помѣщаю здѣсь переводъ того же отрывка въ «Опытѣ преложенія пѣсни о походѣ Игоря» (пѣснь первая и начало второй, до словъ: *о Бояне, соловію старого времени*), помѣщеннаго въ IV части «Галатеи» на 1829 годъ (стр. 131), безъ означенія имени переводчика. Вотъ онъ:

Пріятно, о други, вамъ будетъ услышать
 Прискорбную повѣсть о Игорѣ князѣ.

Начнёмъ не по вымысламъ хитрымъ Бояна,
 Начнёмъ по преданіямъ дней пролетѣвшихъ.
 Когда величавый Боянъ полководецъ
 И витязей славилъ гремящею пѣснью,
 Онъ мыслью леталъ по деревьямъ высокимъ,
 И сѣрымъ онъ волкомъ носился по дѣламъ
 И сызмъ орломъ разстился по небу.

Кромѣ того, мы имѣемъ ещё семь русскихъ стихотворныхъ переводовъ десятой пѣсни «Слова» (Плачь Ярославны), сдѣланныхъ гг. Козловымъ ⁵⁾, Белюстинымъ ⁶⁾, Загорскимъ ⁷⁾, Шкляревскимъ ⁸⁾, Миллеромъ ⁹⁾ и Бергомъ ¹⁰⁾, и одинъ малорусскій, принадлежащій Шевченко ¹¹⁾.

При всѣмъ уваженіи нашемъ къ именамъ болѣе или менѣе извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, трудившихся надъ переложеніемъ «Слова», мы должны сказать, что большая часть прозаическихъ его переводовъ замѣчательна преимущественно въ ученомъ, нежели въ литературномъ отношеніи, потому-что въ нихъ, повидимому, болѣе дорожили примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ самими переводами. Счастливымъ исключеніемъ изъ нихъ можно назвать переводъ Вельтмана, сдѣланный мѣрною, гармоническою прозою, далеко оставляющею за собою не только прозаическія, но и многія стихотворныя переложенія

⁵⁾ «Собраніе Стихотвореній Ивана Козлова», изд. III, 1840, ч. II, стр. 31.

⁶⁾ «Благонамѣренный», 1819, ч. VI, стр. 141.

⁷⁾ «Новости Литературы», 1825, ч. XIV, стр. 69.

⁸⁾ «Стихотворенія П. Шкляревскаго», 1831, стр. 11.

⁹⁾ «Стихотворенія О. Миллера», 1849, стр. 245.

¹⁰⁾ «Москвитянинъ», 1847, ч. I, кн. II, стр. 32.

¹¹⁾ «Кобзарь», 1867, стр. 643.

«Слова», изъ которыхъ лучшія принадлежатъ М. Д. Де-ла-Рю, переложившему поэму въ довольно-звучные гекзаметры, Л. А. Мею и А. Н. Майкову, избравшимъ для своего перевода размѣръ народныхъ русскихъ пѣсенъ, и, въ особенности, М. А. Максимовичу, чей малороссійскій переводъ «Слова» поражаетъ читателя, какъ замѣчательной близостью къ подлиннику, такъ и поэтической простотою языка и звучностью стиха. Эти достоинства перевода Максимовича выступаютъ еще рельефнѣе при сличеніи его съ переводомъ покойнаго Шевченко, который тоже намѣревался переложить «Слова» на малороссійскій языкъ, но принуждѣнъ былъ вскорѣ отказаться отъ этой мысли, такъ-какъ всѣ его попытки къ тому оказались крайне-неудачными. Что же касается переводовъ гг. Палицына, Левитскаго и Минаева, изъ которыхъ послѣдній отличается необыкновенно-звучнымъ стихомъ, то ихъ, собственно, нельзя причислить къ переводамъ, потому-что переводчики нисколько не заботились о томъ, чтобы остаться вѣрными подлиннику, и гораздо болѣе передѣлывали, нежели переводили, и даже дополняли повѣствованіе сочинителя «Слова» своими собственными вставками, въ чѣмъ сознается самъ г. Минаевъ, въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ переводу, говоря, что онъ «объяснялъ тѣмныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатые мысли въ картины»¹²⁾.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ оригинальномъ способѣ *развивать сжатые мысли подлинника въ картины* собственнаго изобрѣтенія, приведу здѣсь, для слич-

¹²⁾ «Слово о полку Игоря», переводъ Д. Минаева, стр. 67.

ченія, нѣсколько небольшихъ отрывковъ лучшаго под-
строчнаго перевода «Слова», сдѣланнаго г. Дубенскимъ,
и соотвѣтствующія имъ стихотворныя фантазіи перелага-
телей:

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Рано въ пятницу они смяли поганые полки половецкіе и, рассыпавшись
стрѣлами по побойцу, помчали пригожихъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними
золото, парчи и дорогіе аксаменты. Юртами, епанчами и кожухами и вся-
кими парядами половецкими стали гатить болота и топи. Красное знамя,
бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебряное древко — храброму (Игорю)
Святославичу.

ПЕРЕВОДЪ ПАЛИЦЫНА.

Въ одинъ день съ утреннимъ блистаніемъ сквозь мглу
Срѣтаются они съ полѣвцами въ долу:
Едва узрѣлися, сердца ихъ закипѣли,
Мечи и копья ихъ другъ въ друга зазвенѣли —
И многихъ ратниковъ, до солнечныхъ лучей,
Застигла вѣчна ночь, померкъ ихъ свѣтъ очей.
Уже противные полки преодолены,
Разбиты, свергнуты и въ бѣгство обращены.
А россы храбрые, разсѣясь по полямъ,
Летая съ быстротой, подобной ихъ стрѣламъ,
Мчатъ красныхъ дѣвъ оттолъ половецкихъ плѣненныхъ,
Тьму злата, утварей и тканей драгоценныхъ.
Но всѣхъ корыстей ихъ, утѣхъ, сокровищъ сихъ
Побѣда съ славою любезиѣе для нихъ:
Гдѣ блато имъ нль топь препоны полагають,
Тамъ грудамъ они добычу повергають,
Изъ тканей, бархатовъ, одеждъ мосты твоя.
Такъ бранный духъ въ груди и славу водворя,
Женамъ приличныя отмещуть украшенья:

Не злато нужно имъ — желѣзо на сраженъе!
 Поправъ враговъ, дѣлять добычу, возвратясь.
 Приемлетъ въ оной часть и ихъ отважный князь:
 Червленна чолка, стягъ багрянъ съ хоругвью бѣлой
 И древко серебряно, какъ даръ отъ рати цѣлой,
 Вручены Игорю за подвиги его.
 То князю нашему пріятнѣе всего,
 То злата для него и паволокъ дороже —
 Дружина такъ речётъ и войны всѣ то же.

Такимъ образомъ переведено Палицынымъ всё «Слово о полку Игоря», за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, или вовсе выпущенныхъ переводчикомъ, или замѣненныхъ стихами собственной работы. Такъ, на примѣръ, всё начало четвертой пѣсни, до словъ:

Такъ при Олегѣ молодомъ —

у него выпущено и замѣнено слѣдующимъ четырехстишіемъ:

Войны во времена и прежнія бывали,
 Напасти и бѣды Россію угнетали,
 Не столь отъ чуждыхъ силъ, нашествій и сѣтей,
 Колико отъ своихъ раздоровъ межъ князей.

Кромѣ того, переводъ Палицына изобилуетъ множествомъ самыхъ анти-поэтическихъ вставокъ, часто искажающихъ самый смыслъ подлинника.

Переводъ Левитскаго нѣсколько ближе къ подлиннику, за-то далеко превосходитъ переводъ Палицына числомъ и чудовищнымъ размѣромъ своихъ вставокъ, отличающихся необыкновенною яркостью красокъ и смѣлостью уподобленій. Для примѣра возьмёмъ два слѣдующихъ отрывка:

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

«Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслию примыслить, ни душою придумать, ни глазами увидеть, а златомъ и серебромъ не брянчать нисколько!»

ПЕРЕВОДЪ ЛЕВИТСКАГО.

«Невидать намъ сердцу милыхъ ужь,
 Не слышать ихъ сладка голоса,
 Не прижать къ груди пылающей
 И въ объятіяхъ супружескихъ
 Не лелѣять и не нѣжить ихъ!
 Не пролить слёзъ умиленія,
 Кромѣ слёзъ единой горести!
 Не видать намъ злата, серебра,
 На всегда уже отнятаго!
 На что злато, на что серебро,
 Коли грудь тѣснится вздохами?
 Что безъ милыхъ въ этой пышности?
 Ожерелья, ткани, бархаты
 Тогда служатъ украшеніемъ,
 Когда сердце цвѣтѣтъ въ радости,
 Когда всё — предметъ веселія;
 Но безъ милыхъ и безъ радости
 Пышность всякая не радуетъ.
 Увы! всѣмъ мы — всѣмъ ограблены!
 Гдѣ супруги и гдѣ дѣтища?
 Гдѣ и братья, гдѣ всѣ сродники?
 Гдѣ? — средь поля половецкаго!
 О! прійми насъ мать сыра земля
 Лучше ты въ свои объятія,
 Чѣмъ терпѣть презрѣнье половцевъ!
 Лучше скрыться въ гробовыхъ доскахъ,
 Чѣмъ подъ властію быть у половцевъ.
 Такъ — умрѣмъ или спасѣмъ мужей!»

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Одинъ же Изяславъ Васильковичъ позвонилъ своими острыми мечами
во шлемы литовскіе, затымилъ славою дѣда своего Всеслава, а самъ подъ
багряными щитами на травѣ кровавой изрубленъ мечами литовскими.

ПЕРЕВОДЪ ЛЕВИТСКАГО.

Изяславъ только Васильковъ внукъ
Позвенѣлъ одинъ мечомъ своимъ
По шлемамъ литовцевъ буйственныхъ;
Только онъ одинъ осмѣлился
Усмирить гордыню адскую.
Но что дерзкихъ усмирить можетъ,
Людской кровію воспитанныхъ?
Что казаться можетъ страшнымъ имъ?
Что? — когда и саму смерть
Чтутъ единою бездѣлкою?
Сердце ихъ — есть сердце львиное,
Грудь ихъ — грудь есть леопардова,
Кровь людей — имъ нектаръ сладостный,
Трупы — снѣдь для нихъ пріятная.
Изяславъ сталъ ихъ добычею:
Подъ щитами палъ багряными;
На травѣ, смоченной кровію,
Сть литовскихъ онъ погибъ мечей.

Эти два отрывка изъ шестой и девятой пѣсенъ (плачъ
русскихъ жонъ о погибшихъ и описаніе смерти Изяслава),
взятые мною на выдержку, могутъ дать совершенно вѣрное
понятіе о достоинствѣ стихотворной фантазіи Левитскаго,
названной имъ — переводомъ «Слова о полку Игоря», хотя
въ этихъ двухъ произведеніяхъ, за исключеніемъ основной
идеи, весьма мало общаго. Перехожу къ переводу г. Минаева.

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

То солнце ему тьмою путь застилало; теперь ночь, воемъ грозя ему, будила птицъ, ревъ звѣринный по стенамъ; дивъ кричить на деревъ, даётъ вѣсть странъ ещё неизвѣданной — Волгѣ и Поморію и Посулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ тьмутараканскій болванъ!

ПЕРЕВОДЪ МИНАЕВА.

И вотъ передъ Игоремъ,
Въ самый полудневный жаръ,
На сводѣ безоблачномъ
Стало гаснуть солнышко;
На щитъ его огненный
Всходитъ воронѣный щитъ,
На Руси невиданный,
Преданьемъ незнаемый;
Высокій шатѣрь небесъ
Темнѣлъ мракомъ вечера;
Лишь чуть золотымъ серпомъ
Отъ скрытаго солпышка
Виднѣлась окраина.

Летятъ тѣни на землю,
Пали смурымъ пологомъ
Кругомъ на окрестности,
На вѣтвяхъ густыхъ деревъ
Свои кудри черныя
Сѣтями развѣсили.
Стала ночь тюрьмы чернѣй:
Могильными сводами
Спустилась надъ Игоремъ,
Зарычала вокругъ него
Стаями звѣринными,
Надъ слухомъ заюкала
Птицами зловѣщими.
Заржалъ лѣшій по лѣсу,

Крикнулъ отъ вершинъ дубовъ:

«Не хвались на-утрѣ князь,

Хвались по-полуночи!

Поди, попытай теперь

Край земли незнаемой;

Сходи, князь, въ Поволожье,

Взгляни на Поморіе,

Поучись по Сулію,

Поборись по Сурожью,

На стѣны Херсонскія

Насмотрись хоть издали!»

«Прочь, косматый чучело!»

Отвѣчаетъ Игорь князь:

«Тебѣ ли пугать меня?

Ты — Тьмутараканскаго

Царства басурманскаго

Болванъ необтѣсанный!»

Это описаніе солнечнаго затмѣнія и дурныхъ предзнаменованій похода Игоря (изъ второй пѣсни), если хотите, весьма граціозно; жаль только, что ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ. Слѣдующій отрывокъ (изъ одиннадцатой пѣсни) можно назвать даже блистательнымъ и по языку и по звучности стиха. Что же касается вѣрности перевода — предоставляю судить читателямъ.

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Соловыи весѣлымъ пѣніемъ разсвѣтъ возвѣщаютъ.

ПЕРЕВОДЪ МИНАЕВА.

Вотъ межъ чащею, подъ раkitникомъ,

Луговой пѣвецъ просыпается:

Щолкнулъ, свистнулъ, рассыпался,

Разошелся по воздуху
 Серебристыми звѣньями,
 Загремѣлъ перекликамп,
 Застоналъ перекатами,
 Разлился звонкимъ голосомъ
 По всему по поднебесью.
 Его слушала, зарумянившись
 Подъ фатою своей, браной золотомъ,
 Съ неба синяго заря майская.

Не смотря на различное достоинство этихъ трёхъ переложений, какъ литературныхъ произведений, изъ которыхъ послѣднее представляетъ нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ, правда, бѣльшею частію принадлежащихъ перу самого переводчика, но тѣмъ не менѣе весьма поэтическихъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ выполнить своего назначенія — познакомить читателя съ подлинникомъ, одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ котораго именно заключается въ сжатости рѣчи, характеризующей «Слово».

Иностранцы также имѣютъ нѣсколько переводовъ «Слова о полку Игоря». Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: нѣмецкіе — Мюллера ¹³⁾, Ганки ¹⁴⁾, пастора Зедергольма ¹⁵⁾ и Болътца ¹⁶⁾;

¹³⁾ Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer des Fürsten vom Sewerischen Nowgorod Igor Swätslawlitsch, geschrieben in altrussischer Sprache gegen das Ende des zwölften Jahrhunderts. In die deutsche Sprache treu übertragen vom Joseph Müller. Prag. 1811.

¹⁴⁾ Igors Swatslawitsh. Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer. Von Wenceslaw Hanka. Prag. 1821. (Изданъ вмѣстѣ съ чешскимъ переводомъ.)

¹⁵⁾ Das Lied vom Heereszuge Igors, Sohnes Swätoslaws, Enkels Olegs. Aus dem Slawonischen metrisch übersetzt vom Pastor Sederholm. Mockau. 1825.

¹⁶⁾ Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Aeltestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert. Herausgegeben vom Doktor August Boltz. Berlin. 1854. Переводъ перепечатанъ, въ исправленномъ видѣ, въ «Beiträge zur Völkerkunde», за 1868 годъ.

французскіе — барона Экштейна, помѣщенный въ журналѣ «Le Catholique», и Бланшара¹⁷⁾, напечатанный вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ; польскіе — Купріяна Гудебскаго, Августина Бѣлѣвскаго¹⁸⁾ и Адама Красинскаго¹⁹⁾; чешскіе — Вячеслава Ганки²⁰⁾, Мартына Гатталы²¹⁾ и Яромира Эрбена²²⁾; сербскіе — Хаджича, помѣщенный имъ въ бѣлградскомъ альманахѣ «Голубица» на 1842 годъ и перепечатанный во второй части его сочиненій, изданныхъ въ 1854 году²³⁾, Огнеслова Утѣшиновича, напечатанный въ журналѣ «Nevena» на 1852 годъ и Данилы Медича²⁴⁾, напечатанный въ Петербургѣ; болгарскій — Жинзифова²⁵⁾ и венгерскій — Сценде²⁶⁾.

¹⁷⁾ Igor, poème héroïque, traduit du russe par N. Blanchard. Moscou. 1823.

¹⁸⁾ Wyprawa Igora na Połowców. Poemat sławiański, wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów. 1833.

¹⁹⁾ Pieśń o pólku Igora. Starosławiański poemat z XII wieku. Przekład K. Adama Stanisława Krasińskiego, kanonika katedry wileńskiej. Petersburg. 1856.

²⁰⁾ Igor Swatoslawiś. Hrdinsky zpiew o tazenj proti Połowcum. Od Wacława Hanky. W Praze. 1821.

²¹⁾ Slovo o polku Iгореve. Vudal Martin Hattala. W Praze. 1858.

²²⁾ Dvě zpěvy staroruských totiz: o výprave Igorove á Zdonstina. Vydal Karel Jaromír Erben. W Praze. 1869. Переводъ перепечатанъ въ «Slavanská Peezija» (1874, стр. 59).

²³⁾ Пѣсна о полку Игоревомъ (XII вѣка). Съ подлиннога русскаго на сербскій языкъ преведена и сложена по начину юначкихъ нашихъ народныхъ пѣсама. По изданію Михаила Максимовича (Кіевъ, 1837) првый путъ издана у «Голубици», а садъ прегледаня и исправлѣна по изданію Николая Гербея (С.-Петербургъ, 1854.) («Дѣла Іована Хацича», 1858, т. II.)

²⁴⁾ Слово о полку Игоревомъ или пѣсма о Игоревой чети. Превео и обьяснио Данило Медичъ. У Светомъ Петрограду. 1870.

²⁵⁾ Слово за пълкъ-тъ Игоревъ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Преведе отъ старо-рускій языкъ Р. Жинзифовъ. Москва. 1863. («Новобългарска Сбирка», 1863.)

²⁶⁾ Szózat Igor hadjáratáról a palócok ellen. Magyarította Riedl Szende. Prága és Lipcse. 1858.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ переводили иностранцы «Слово о полку Игоря», привожу, для сличенія, ихъ стихотворные переводы на французскій, нѣмецкій, польскій, сербскій и болгарскій языки.

ПЕРЕВОДЪ БЛАНШАРА.

Il est doux de chanter un héros malheureux:
Chantons du brave Igor l'effort infructueux;
Mais que dans nos récits, simples et véridiques,
N'entrent point de Boyan les fictions antiques:
Quand ce barde voulait célébrer les héros,
Son esprit inspiré l'élevait sur les flots,
Le portait comme un aigle au dessus des nuages,
Ou comme un faible oiseau parmi de verts bocages.

ПЕРЕВОДЪ ЗЕДЕРГОЛЬМА.

Bedünket es nicht euch ihr Brüder löblich,
Wenn wir in alter Zeiten Wort begönnen
Die Trauermähr von Igors Heereszuge,
Des Sohnes Swätoslaws? Wohlan denn, Lied,
Beginne, treu den Thaten dieser Zeiten,
Nicht nach Bojans Gedankenflug, des Sehers;
Denn wenn ein Heldenlied er singen wollte,
So schweifte durch die Wälder sein Gedanke,
Wie auf der Erde schweift der graue Wolf,
Den Wolken nah der bläulich-graue Aar.

ПЕРЕВОДЪ БОЛЬТЦА.

Brüder, wär es nicht gerathen,
Nach dem alten Brauch der Väter,

Was die Sagen von dem Zuge
 Igor's, Swätoslawitsch's sohne,
 Melden, treu zu wiederholen?
 Doch beginnen mag dies Lied nur
 Nach den Sagen uns'rer Zeit, nicht
 Nach Bojan's erhab'ner Weise.
 Denn Bojan, der hehre Dichter,
 Wollte der im Lied berichten,
 Schweift'er ab durch Wald und Auen,
 Liesz den grauen Wolf der Heide
 Und den Wol kenaar erscheinen,
 Um es würdig auszuschnücken.

ПЕРЕВОДЪ БЪЛЕВСКАГО.

Bracia! nie piękniez piąć staremi słowy
 Trudne o połku Igora powieści?
 A więc pocznijmy pieśń, wedle osnowy
 Zdarzeń, nie zmyśleń bojańskimi tory;
 Bo wieszczy Bojan jeśli k'czyjej cześci
 Pieśń tworzył, myślą uganiał przez bory,
 Wilk ziemią, w wiatrach orzeł chyzopióry.

ПЕРЕВОДЪ КРАСИНСКАГО.

Miło to, bracia, gdy w naddziadów mowie,
 Igora czyny rycerskie apowie
 Pieśń, z tego czasu pamiątek śpiewana,
 Nie z woyobraźni, a ni z dum Bojana.
 Bo kiedy Bojan pieśń komu zaśpiewa,
 Myślą na kształt wielkiego roztacza się drzewa,
 I szarym wilkiem pędzi w step szeroki,
 I siwym orłem szumi pod obłoki.

ПЕРЕВОДЪ ХАДЖИЧА.

Не бы ли намъ, брачо, льѣпо было
 Тужну повѣсть полка Игорева,
 Та Игоря Светославѣвича,
 Започети сада старымъ рѣчьма?
 Но почети ту пѣсню онако,
 Као што су управъ дѣла была,
 А не Боянъ како бѣше смышляо?
 Боянъ вѣштый кадъ е коме пѣв'о,
 Онъ с'носло умомъ по дрвечу,
 Па по земельи кано сурый вуче,
 Кано оро летечь подь облаке.

ПЕРЕВОДЪ МЕДИЧА.

Льепо би намъ било, брачо,
 Старимъ слогомъ започети
 Тужну пѣсню о Игору
 И нѣговой храброй чети.

И пѣвати ову пѣсню
 Не по мѣчтама Бояна
 Вѣчь по вѣрнимъ приповѣдкамъ
 И предапью нашихъ дана.

Еръ кадъ гочъ е пѣвачъ дивни
 Ударао златне жице,
 Носао се съ вольпомъ мысли
 Кано славуи крозь младнице.

Иль се кано мраки вуче
 По равнومه полюю крѣпо,
 Иль се кано оро сури
 Подь облаке гордо вѣю.

ПЕРЕВОДЪ ЖИНЗИФОВА.

Дали не лѣпо ке бѣше за насъ, братя,
 Съ стары на приказы мачны слова мые
 Да пачнемъ пѣсня за пѣлкѣ-тъ Игоревъ,
 Игоря того сына Святослава!
 И да ся начинитъ тая пѣсня
 По работы на сегашно време,
 А не какъ що Боянъ задумвалъ?
 Ак' пѣккому Боянъ вѣщій
 Сакалъ да направитъ пѣсня
 Растеквалъ ся съ мысль по дърво,
 Какъ вѣлкѣ сѣрый по земля,
 Какъ сивъ орелъ подъ облакъ.

Наконецъ, надъ составленіемъ примѣчаній, филологическихъ объясненій и критическихъ изслѣдованій трудилсь, въ разное время, кромѣ поименованныхъ выше переводчиковъ «Слова», почти всѣ извѣстные наши учоные, какъ-то: Малиновскій, Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Тимковскій, Ермолаевъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Полевой, Болтинъ, Бутковъ, Востоковъ, Погодинъ, Шевырѣвъ, Руссовъ, князь Вяземскій, Глаголевъ, Снегирѣвъ, Сахаровъ, Буслаевъ, Давыдовъ, Березинъ, Головинъ, Тихонравовъ, Туловъ, Пекарскій, знаменитые иноземные славяновѣдцы: Домбровскій, Шлецеръ, Шафарикъ, Вишневскій, Ганка, Гай и многіе другіе.

Уже одни имена этихъ учоныхъ изслѣдователей «Слова о полку Игоря», признавшихъ его высокое значеніе въ исторіи нашей литературы, какъ единственнаго самобытнаго памятника поэзіи древней Руси, могутъ служить до-

статочнымъ опроверженіемъ нѣкоторымъ скептикамъ, вздумавшимъ заподозрить не только древность этого памятника, но и самую его подлинность, въ которой теперь уже никто не сомнѣвается, благодаря множеству полемическихъ и критическихъ статей, разрѣшившихъ, наконецъ, этотъ вопросъ въ пользу «Слова» — и рѣшеніе это утверждено на доказательствахъ слишкомъ ясныхъ, чтобы съ ними не согласиться. Впрочемъ, я не нахожу нужнымъ распространяться о нихъ, тѣмъ болѣе, что критическій разборъ подлинника не входитъ въ планъ моего труда — чисто литературнаго.

Такъ-какъ цѣль предлагаемаго перевода — обратить еще разъ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей на это превосходное произведеніе нашей древности и сдѣлать его содержаніе доступнымъ и для тѣхъ, кто не любитъ сухихъ, археологическихъ розысканій, но тѣмъ не менѣе не чуждъ всего, что касается нашей древней славы, то я считаю не лишнимъ познакомить читателя съ самымъ происшествіемъ, послужившимъ пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы.

Князья Сѣверскіе, Игорь Святославичъ Новгородскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій и племянникъ ихъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій, ревнуя славѣ великаго князя Кіевского Святослава, одержавшаго въ 1184 и 85 годахъ двѣ блистательныя побѣды надъ половцами, въ которыхъ они не участвовали, рѣшились сами идти въ половецкую землю и добыть себѣ еще бѣльшей славы. До настоящаго похода Игорь извѣстенъ былъ, какъ побѣдитель варваровъ близъ урочища Олтавы (нынѣшней Полтавы), гдѣ онъ,

двадцатилѣтній юноша, въ 1171 году разбилъ на голову половцевъ, предводимыхъ лучшими своими ханами, Кобякомъ и Кончакомъ. Что же касается Всеволода, лѣтописцы, какъ и сочинитель «Слова», изображаютъ его героемъ, *удалѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей, величественнымъ наружностью, любезнымъ душою. Князья собрали свои дружины, взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ-называемыхъ ковуевъ, которые составили особый полкъ, подъ начальствомъ Ольстина Олексича, и пошли къ Дону.

1-го мая 1185 года, не доходя рѣки Донца, русское войско застигнуто было солнечнымъ затмѣніемъ, принятымъ боярами за дурное предзнаменованіе. «Друзья и братья!» сказалъ Игорь: «тайны божественныя никому не свѣдомы; а намъ не миновать своего рока.» Прибывъ къ донецкому перевозу, войско Игоревое переправилось за рѣку у Изюмскаго кургана (нынѣшняго Изюма) и двинулось къ берегамъ Оскола. Здѣсь князья простояли двое сутокъ, въ ожиданіи прибытія Всеволода, который шолъ изъ Курска инымъ путѣмъ. Соединившись съ братомъ, Игорь обратился къ югу, къ рѣкамъ Дону и Салу. Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о новой грозѣ, представляя имъ, что русскіе, рѣшившись зайти такъ далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ князьямъ. Люди благоразумные совѣтовали Игорю возвратиться. «Князь!» говорили они: «непріатели многочисленны; удалимся: теперь не наше время.» — «Мы бу-

демъ осмѣяны», отвѣчалъ имъ Игорь, «когда, не обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе смерти.»

Въ пятницу, въ обѣденное время, войско Игоревое встрѣтилось въ первый разъ съ половцами на берегахъ рѣки Сюурліи. Завидя приближеніе варваровъ, князья изготавились къ битвѣ: полкъ Игоревъ помѣстился въ серединѣ; по правую его сторону сталъ Всеволодъ съ своимъ полкомъ, а по лѣвую Святославъ; впереди ихъ расположились Владиміръ, сынъ Игоря, и черниговскіе ковуи, а шестой полкъ, составленный изъ стрѣлковъ всѣхъ пяти отрядовъ, образовалъ первую линію. «Братья!» сказалъ Игорь: «мы ихъ искали — такъ сразимся же!» Началась битва. На этотъ разъ русскіе остались побѣдителями, причѣмъ взяли станъ непріятелей и захватили ихъ семейства. Русскіе три дня ликовали въ завоёванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: «Что скажутъ теперь наши братья и Святославъ Кіевскій? Они сражались съ половцами, ещё глядя на Переяславль, и не смѣли идти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы наши. Истребимъ варваровъ и пріобрѣтѣмъ славу вѣчную!»

Эта гордость воиновъ мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя послѣдствія. Ободрѣнные первымъ успѣхомъ, князья не усомнились идти къ Дону, перешли его и двинулись къ берегамъ Азовскаго моря. Разбитые половцы, соединившись съ новыми толпами, пошли вслѣдъ за ними, и въ субботу утромъ окружили русское войско близъ устья рѣки

Каялы (нынѣшняго Кагальника), впадающей въ Азовское море, отрѣзали его отъ воды, и, въ ожиданіи ещё бѣльшей помощи, не хотѣли сразиться копьями, три дня дѣйствуя однѣми стрѣлами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ, русскіе, томимые жаждой, открыли себѣ путь къ водѣ, и тутъ-то, на берегу Каялы, на голой, палимой горячимъ солнцемъ степи, произошла рѣшительная битва, такъ краснорѣчиво описанная пѣвцомъ Игоря. Два дня длилось сраженіе; русскіе бились храбро, отчаянно. Изнурѣнные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненый Игорь ѣздилъ на конѣ и ободрялъ ихъ. Видя бѣгство ковуевъ, онъ бросился останавливать ихъ, снялъ съ себя шлемъ, чтобы они узнали его и воротились; но, увлеченный толпою, былъ окруженъ половцами и взятъ въ плѣнъ. Всеволодъ оказалъ рѣдкое мужество и, наконецъ, остался безъ оружія, сломивъ свой мечъ и копьё. Въ сокрушеніи сердца, Игорь каялся въ грѣхахъ своихъ и молилъ Бога лучше послать ему смерть, нежели допустить видѣть паденіе брата. Наконецъ, русское войско было побито. Спаслось всего пятнадцать русскихъ и нѣсколько ковуевъ: остальные или легли на мѣстѣ подъ саблями половецкими, или утонули въ Азовскомъ морѣ, или, наконецъ, отведены были съ князьями въ неволю.

Узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ князей, Земля Русская возстонала: князья, бояре, народъ — всѣ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцовъ, ближнихъ родственниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ. На возвратномъ пути, услыхавъ печальную вѣсть,

онъ залился слезами и сказалъ: «Я жаловался прежде на легкомысліе Игоря: теперь ещё болѣе жалуясь на его злополучіе.» Онъ собралъ князей подъ Канёвымъ, но распустилъ ихъ, когда половцы, боясь его ополченія, отступили отъ нашихъ границъ. Не желая идти по слѣдамъ Сѣверскихъ князей, чтобы не испытать той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій, постигшихъ Русскую Землю. Варвары, ободрённые его робостью, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы и осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами родного города и бился какъ герой; кровь текла изъ ранъ его, дружина ослабѣвала. Тогда, видя опасность любимаго князя, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, пораженнаго тремя копьями. Половцы, взявъ Римъ (нынѣшній Роменъ), изрубили его жителей, опустошили множество сѣлъ близъ Путивля и, обременённые плѣнниками и богатой добычей, ушли въ свои вежи.

Между-тѣмъ Игорь Святославичъ, взятый въ плѣнъ *Тарголовымъ мужемъ Чилбукомъ*, жилъ въ неволѣ, подъ надзоромъ хана Кончака, которому достался по раздѣлу. Уважая храбраго князя, Кончакъ обходился съ нимъ не какъ съ плѣнникомъ, но какъ съ княземъ: позволилъ ему звать и имѣть при себѣ священника, слугъ, и даже не препятствовалъ забавляться ястребиною охотою. Наконецъ, одинъ половчанинъ, мать котораго была русская, по имени Лаверь, или Овлуръ, какъ называетъ его сочинитель «Слова», вызвался бѣжать съ нимъ изъ неволи. «Я могъ уйти во время битвы», отвѣчалъ ему Игорь, «но не хотѣлъ обез-

славить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.» Однако жь, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего конюшаго, Игорь согласился. Лаверь приготовилъ коней. Игорь притворился спящимъ, и, когда половцы, упоенные крѣпкимъ кумысомъ, заснули, всталъ тихонько, помолился, взялъ крестъ и икону и ушелъ изъ вежи. Одиннадцать дней скитался онъ по степямъ, вмѣстѣ съ Лаверомъ, скрываясь отъ преслѣдованія половцевъ, всюду разсыпавшихся по слѣдамъ его, и благополучно прибылъ въ пограничный русскій городъ Донецъ.

Что же касается сына его Владиміра, оставленнаго имъ въ плѣну, то онъ женился тамъ на дочери половецкаго хана Кончака, славившейся своею красотою, и черезъ два года возвратился къ отцу, вмѣстѣ съ своимъ дядею, буйтуръ Всеволодомъ.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведеніе, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности — къ роману и, притомъ, произведеніе, написанное стихами. Это послѣднее мнѣніе раздѣляютъ многіе изъ ученыхъ изслѣдователей этого памятника — въ томъ числѣ Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичъ и Туловъ — хотя они и не вполне сходятся въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе cadaго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Всѣ различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ²⁷⁾, признавая вообще

²⁷⁾ См. его «Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи», стр. 159—161.

складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно у него раздѣлилось на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи, подобныя библейскимъ. Дубенскій ²⁸⁾ принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и размѣряетъ «Слово» шестистопнымъ дактило-хореическимъ стихомъ или гекзаметромъ. Полевой ²⁹⁾ также разбиваетъ подлинникъ на стихи, причѣмъ говоритъ, что размѣръ въ нёмъ явенъ, и стѣдитъ только не считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность. Максимовичъ же ³⁰⁾ полагаетъ, что вольное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ-сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные великорусскіе, но столько же разнообразные и вольные, какъ стихи украинскіе, особенно въ думахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря». Наконецъ, по мнѣнію Тулова ³¹⁾, «Слово» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсенъ и притомъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія, или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимъ, въ дѣствіе вліянія пѣсенъ, краски поэзіи народной, или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, пѣсню, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ положена

²⁸⁾ См. его «Опытъ о Народномъ Русскомъ Стихосложеніи», стр. 101—107.

²⁹⁾ «Московскій Телеграфъ», 1833 г. № 7, стр. 429.

³⁰⁾ См. его «Пѣснь о Полку Игоря, критическій разборъ», стр. 82—84.

³¹⁾ См. его «Руководство къ Познанію Родовъ, Видовъ и Формъ Поэзіи» стр. 205—206.

была на бумагу, въ чёмъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя. А нужно замѣтить, что въ отдалѣнный отъ насъ вѣкъ Игоревъ поэзія ещё не такъ давно перешла изъ устъ народа въ книги, ещё не достигла такой степени искусственности, чтобы выраженіе *пѣть*, встрѣчающееся въ «Словѣ», могло быть употреблено на такомъ же основаніи и въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно употреблено, напримѣръ, въ стихѣ Хераскова:

«Пою отъ варваровъ Россію свободенну».

Эти смѣлыя предположенія, основанныя на доказательствахъ, можетъ-быть, не совсѣмъ ясныхъ, но тѣмъ не менѣе справедливыхъ, навели меня на мысль перевести знаменитую поэму стихами. Ознакомившись съ подлинникомъ, въ чёмъ не встрѣтилъ большихъ затрудненій, благодаря обилію вышепоименованныхъ мною переводовъ и критическихъ изслѣдованій, я съ жаромъ принялся за работу и — вскорѣ переводъ мой былъ оконченъ. Теперь онъ передъ судомъ публики. Знаю всю недостаточность моего слабаго труда, внушеннаго желаніемъ подѣлиться тѣми пріятными впечатлѣніями, которыя пробудило во мнѣ изученіе этого стариннаго памятника; знаю, что мнѣ не удалось уловить всѣхъ чудныхъ оттѣнковъ подлинника, ярко блистающаго неподдѣльными красками поэзіи; но утѣшаю себя мыслию, что старался, по-крайней-мѣрѣ, незначительность таланта вознаградить добросовѣстнымъ изученіемъ и если не художественною, то возможно-вѣрною передачею неподражаемыхъ красотъ, которыми такъ богато «Сло-

во», причёмъ старался, по возможности, сохранить тонъ и складъ рѣчи подлинника, составляющіе всю особенность этого древнѣйшаго произведенія нашей письменности. Что же касается подлинника «Слова», то, слѣдуя совѣту Востокова³²⁾ и принявъ за основаніе мнѣніе Максимовича, изложенное мною выше, я разбилъ его на стихи, подобные стариннымъ украинскимъ, а для нагляднаго удобства при чтеніи напечаталъ славянскими буквами по пушкинскому изданію.

Не смотря на видимую цѣлость и стройность повѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря», въ то же время, представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій (какъ, напримѣръ, четвертая и девятая пѣсни, посвященныя воспоминанію о минувшемъ), раздѣляющихъ его на нѣсколько (именно двѣнадцать) частей, которыя я, по примѣру Сахарова, назвалъ пѣснями. Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» ещё и другіе пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Бояну³³⁾? или даже — не составлено ли оно неизвѣстнымъ пѣвцомъ Игоря, подобно рапсодіямъ Омира, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсенъ, посвященныхъ

³²⁾ «Не мѣшало бы, хотя для типографской исправности, чтобы облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ при новомъ изданіи «Слова о полку Игоревѣ», раздѣлить сію древнюю поэму русскую на стихи, подобныя библейскимъ.» (Востоковъ.)

³³⁾ Мнѣніе Максимовича.

злополучному походу Игоря и счастливому его возвращенію на родину?

Соображаясь съ духомъ каждой изъ этихъ пѣсень, я старался подобрать соотвѣтствующій ей стихотворный размѣръ, чтобы тѣмъ удобнѣе поддѣлаться подъ тонъ его сладко-звучащей рѣчи. Успѣлъ ли я въ томъ — предоставляю судить читателямъ.

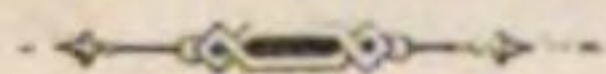
Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о перемѣнахъ и дополненіяхъ, сдѣланныхъ мною въ послѣднихъ изданіяхъ предлагаемаго перевода. Приступая ко второму изданію «Игоря», я тщательно пересмотрѣлъ свою книгу и, руководствуясь справедливыми замѣчаніями гг. рецензентовъ, сдѣлалъ необходимыя поправки, причѣмъ нѣкоторыя пѣсни перевёлъ снова, а въ предисловіи помѣстилъ подробное описаніе самаго происшествія, послужившаго пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы. Въ предлагаемомъ нынѣ пятомъ изданіи сдѣланы новыя исправленія, съ цѣлью приблизиться ещё болѣе къ подлиннику.

Въ заключеніе приношу мою благодарность гг. рецензентамъ за ихъ лестные отзывы³⁴⁾ о моёмъ трудѣ, что,

³⁴⁾ См. «Современникъ», 1854, № 2 (статья Ушинскаго), «Отечественныя Записки», 1854, № 3, 1855, № 7 и 1856, № 12, (статьи Дубенскаго и Корелкина), «Москвитянинъ», 1854, №№ 5 и 22 и 1855, № 1, 2 и 6 (статьи Максимовича, Березина и Берга), «Библіотека для Чтенія», 1854, № 3 и 1855, № 4 (статьи Сенкѣвскаго и Мея), «Извѣстія Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ», 1854, листъ 53 (статья Срезневскаго), «Пантеонъ», 1854, № 2 и 1855, № 4 (статьи Аонасѣева), «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1854, № 24 и 1855, № 67 (статьи Мана), «Русскій Инвалидъ», 1854, № 5, «Вѣдомости Санктпетербургской Полиціи», 1854, № 43 (статья Стоюнина), «Лучи», 1854, № 3 и другіе.

безъ сомнѣнія, было главною причиною его успѣха. Лѣщу
себя надеждою, что и *пятое*, нынѣ выходящее въ свѣтъ,
изданіе моего перевода встрѣтитъ такой же радушный
пріемъ, какъ и четыре первыя.

Николай Тербель.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ЗАПѢВЪ.

Который дотечаше,
Та прѣди пѣсь поѡше
Старомѹ Ярославѹ,
Храбромѹ Мстиславѹ.

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе,
Начѣти старыми словесы
Трудныхъ повѣстий
О пзлкѣ Игоревѣ,
Игорѣ Святъславича?
Начати же сѣ тѣмъ пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замысленію Болю?
.

Болю бо вѣщій,
Аще комѣ хотѣше пѣснь творити,
То растѣкашеться мыслію по дрѣвѣ,
Сѣрымъ взлкомъ по земли,
.

Шизымъ орломъ подъ облакы.

Помнѣшеть бо речъ пзрвыхъ временъ Юсовицѣ:

Тогда пѣшашеть ї соколовъ
На стадо лебедѣй,

Не начать ли намъ, ребята,
Складомъ пѣвѣстей невзгодъ,
Про походъ на супостата,
Князя Игоря ¹⁾ походъ?
И начать намъ безъ обмана —
Эту пѣсню про князей —
По былинамъ нашихъ дней,
Не по замысламъ Бояна?
Если былъ пѣвецъ Боянъ
Вѣщимъ духомъ обаянъ,
То носился мыслью-птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ,
Сѣрымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Поднимался къ облакамъ.

А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ воспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебѣдокъ говорливыхъ,

Который дотечаше,
 Та преди пѣсь помше
 Старомѹ Жрословѹ,
 Храбромѹ Мстиславѹ,
 Иже зарѣза Редю
 Предъ пѣки Касожьскими,

Красномѹ Романови Свѣтзславичю.

Божнѣ же, братіе,
 Не ї соколовѣ на стадо лебедѣи пѣшаше:

Изъ своемъ вѣща прѣсты
 На живаѣ стрѣны възсладаше;

Они же сами княземъ славѹ рокоташѹ.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сию
 Отъ стараго Владимера
 До нынѣшняго Игорѣ;

Иже истѣгнѹ ѹмъ крѣпостию своею,
 И поостри сердца своего мѹжествомъ,
 Наплзнивсѣ ратнаго дѹха,
 Наведѣ своемъ храбрымъ плзкы
 На землю Половѣцькѹю
 За землю Рѹськѹю.

И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава ²⁾,
То про храбраго Мстислава ³⁾,
Что косоговъ побѣдилъ
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа ⁴⁾.

Не на стадо лебедей
Нашъ Боянъ, нашъ соловей,
Десять соколовъ пускаетъ:
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше «Слово»
Отъ Владиміра Святого
И про Игоря, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я,
Какъ, наполнясь духомъ ратнымъ,
Онъ свой разумъ изострилъ,
Словно панциремъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрылъ
И за Русь повѣлъ дружину
Въ половецкую краину.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЕРВОЙ.

¹⁾ Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, сынъ Святослава Ольговича Черниговскаго и внукъ Ольга Святославича Тмутараканскаго — герой поэмы. Онъ родился 3-го апрѣля 1151 года; сѣлъ на новгородъ-сѣверское княженіе въ 1180 году; пересѣлъ на черниговскій престолъ въ 1198 году; умеръ въ 1202 году. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Евфросиніи, дочери князя галицкаго Ярослава Владиміровича. Игорь былъ одарѣнъ душою мужественною и удалялся козней, свойственныхъ бѣльшей части потомковъ Олега.

²⁾ Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго и Романа Святославича Краснаго.

³⁾ Мстиславъ Владиміровичъ Тмутараканскій, дѣдъ Олега. Въ 1022 году онъ въ единоборствѣ умертвилъ великана и богатыря касожскаго князя Редю и увѣлъ въ плѣнъ его жену и дѣтей.

⁴⁾ Романъ Святославичъ Красный, родной братъ Олега Тмутараканскаго, дѣда Игоря. Когда князя разбили Олега въ 1078 году, Романъ немедленно началъ войну, но былъ убитъ въ слѣдующемъ году имъ же нанятыми половцами; Олегъ же былъ сосланъ на островъ Родось.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВЪЩЕЕ ЗАТѢМНІЕ.

Лѹцѣжъ бы потѣтъ быти,
Неже полонѣнъ быти!

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце,
И видѣ отъ него тьмою
Всѣ свои вои прикрыты,
И рече Игорь къ дружинѣ своей:
„Братіе и дружино!
Лѹцежъ бы потѣхъ быти,
Неже полоненъ быти:
А всадѣмъ, братіе,
На свои вѣзъы комои,
Да позримъ синего Донъ.“

Спала Кнѣзю ѹмъ похотѣ,
И жалость емъ знаменіе застѹпи
Искѹсити Донъ великаго.
„Хощѣ бо, рече, копіе приломити
Конѣць полъ Половецкаго
Съ вами, Рѹсици:
Хощѣ главъ свою приложити,
А любо испити шеломомъ Донъ!“

Князь Игорь взглянул на дневнѣ свѣтило
И видя, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
И такъ — на коней и за новою славой,
Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце запало желанье
Напится изъ Дона-рѣки —
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнѣтомъ душевной тоски.

«Хочу я копьё моё — молвилъ — далече
Въ Землѣ Половецкой сломить:
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испытать!»

О Боже,
 Головою старого времени!
 Абы ты сіа пазкы ўцекоталъ,
 Скача славою по мысленѣ дровѣ,
 Летѣмъ ўмомъ подѣ облакы,

Свиваѣ славы оба полы сего времени,
 Рица въ тропѣ Троюню
 Чресъ полѣ на горы.

Пѣти было пѣсь Игоревѣ,
 Того (Олга) вѣвѣ.

Не вѣрѣ соколы занесе чресъ полѣ широкаѣ:

Галици стады бѣжать къ Донѣ великомѣ.

Чили възспѣти было,
 Вѣщей Боже, Релесовѣ вѣвѣ:
 Комони ржѣть за Сѣлою;
 Звенить слава въ Києвѣ;
 Трѣбы трѣвать въ Новѣградѣ;
 Стоѣть стази въ Пѣтивлѣ.

Игорь ждѣтъ мила врата Рсєволода.
 И рѣчѣ ємѣ Бѣй-Тѣрѣ Рсєволодѣ:
 „Одинѣ братѣ, одинѣ свѣтѣ
 Свѣтлый ты Игорю!
 Оба єсѣ Свѣтѣславичѣ!

Тебѣ бы, Боянъ, рассказать про сраженья,
 Соловушка прежнихъ вѣковъ,
 Носясь соловьёмъ по вѣтвямъ вдохновенья,
 Касаясь умомъ облаковъ,

Сличая прошедшую русскую славу
 Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ
 Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
 По дебрямъ, полямъ и горамъ!

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
 Про Ольгова внука дѣла!
 Не буря изъ родины въ поле чужое
 Степныхъ соколѣвъ занесла:

Слетаются галки густыми стадами
 На Донъ, изъ невѣдомыхъ странъ...
 Иль, можетъ, начать мнѣ такими стихами,
 Велесовъ ¹⁾ внукъ, вѣщій Боянъ:

Ржутъ борзые кони за тихой Сулдою;
 Въ Новѣ-градѣ ²⁾ трубы трубятъ;
 Гремятъ стольный Кіевъ молвой боевою;
 Въ Путивлѣ знамена шумятъ:

Князь Игорь ждётъ брата, буй-туръ ³⁾ Всеволода ⁴⁾ —
 И тотъ ему молвить въ привѣтъ:
 «Мы оба съ тобой Святославова рода!
 Ты братъ мой единый и свѣтъ!

Сѣдай, брате, свои брѣзвыи комони,

А мои ти готови,
Осѣдлани ѿ Кѣрська на переди.

А мои ти Кѣрѣни свѣдоми къ мети,
Подъ трѣбами повити,
Подъ шеломи възлелѣны,
Конѣць копѣѣ възскрѣмлени;

Пѣти имъ вѣдоми,
Другы имъ знаѣми,
Дѣци ѿ нихъ напрѣжени,
Тѣли отворени,
Сабли изострени;

Сами скачють акы сѣрыи вѣзци въ полѣ,

Ищѣчи себѣ чти, а Князю славѣ.“

Тогда възстѣни Игорь Князь въ златѣ стрѣмень

И поѣха по чистомѣ полю.

Болицѣ емѣ тѣмою пѣть застѣпашѣ;
Нощь, стонѣщи емѣ грозою, птичь ѡбѣди;

Свистѣ звѣринѣ въ стазби;
Дивѣ кличетѣ врѣхѣ древа:

«Вели — пусть коней твоихъ борзыхъ сѣдлають;
Мои же, мой первенецъ-братъ,
Давно ужъ подъ Курскомъ тебя поджидаютъ,
Осѣдланы въ полѣ стоятъ.

«Курыне жъ мои, удалые курыне
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани
И вскормлены съ копій стальныхъ.

«Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатныя сабли въ рукахъ;

«И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почѣту добыть.»

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ
И ѣдетъ равниной степной;
Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною синею тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей,

Велитъ послушати
 Земли незнаемъ —
 Влзѣ, и по морю,
 И по Сѣлю, и Сѣрождѣ, и Корсѣню,
 И тебѣ, Тъмѣтораканьскый влзванѣ.

А Половци неготовами дорогами
 Повѣгоша къ Донѣ великомѣ;

Крычатъ тѣлѣгы полнощы,
 Рци лебеди роспѣщени.

Игорь къ Донѣ вои ведетъ;

Уже во вѣды его пасетъ птицъ;

Подобно влзци грозѣ въсѣрожатъ по шрѣгамъ;

Орли клѣктомъ на кости звѣри зовѣтъ;

Лисици брѣшѣтъ на чрѣленымъ щиты.

О Руская землѣ!
 Уже за Шеломѣнемъ еси!
 Длзго. Ночь мркнетъ,
 Зарѣ свѣтъ запала,
 Мзгла полѣ покрыла,
 Щекотъ славій ѣспе,
 Говоръ галичѣ ѣвѣди.

Чтобъ вѣлнамъ Сурожа⁵⁾ и вамъ, поморяне,
Дать вѣсть за далёкой землёй,
Корсуню⁶⁾ и идолу въ Тьмутараканѣ⁷⁾
И Волгѣ съ Сулою-рѣкой.

А половцы по полю тѣсной толпою
Къ великому Дону спѣшатъ.
Какъ рѣзкій крикъ лебедя поздней порою,
Возы ихъ дорогой скрипятъ.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы гибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ
На трупы изъ дебрей лѣсныхъ;
И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,
Блуждая въ оврагахъ крутыхъ;

Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ —
На красные лаютъ щиты.
О, Русь! о, родная! ужъ ты за курганомъ!
Спускается ночь съ высоты;

Заря, чуть мерцая, вдали догораетъ;
Поля покрываются мглой;
Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ;
Крикъ галочій слышенъ порой.

Рѹсичи великаѣ полѣ
Чрьлеными щиты прегородиша,
Ищѹчи себѣ чти, а Князю славы.

А русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами
И славы отважнымъ князьямъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВТОРОЙ.

¹⁾ Велесъ — богъ скотоводства. Почему же здѣсь Боянъ названъ его внукомъ — неизвѣстно, хотя нѣкоторые толкователи «Слова» и силились объяснить эту загадочную фразу.

²⁾ Новгородъ-Сѣверскій — резиденція Игоря, героя поэмы.

³⁾ *Буй-туръ* или *яръ-туръ*, какъ сказано въ «Словѣ», собственно — дикій быкъ или буйволъ (*urus, bubalus*). Нынѣ эта красивая и весьма рѣдкая порода называется — зубрами и водится въ одной Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губерніи). Здѣсь пѣвецъ Игоря уподобляетъ храбрѣйшаго изъ князей того времени — красивѣйшему и сильнѣйшему изъ животныхъ, то-есть, иносказательно, называетъ его богатырѣмъ и героемъ.

⁴⁾ Всеволодъ Святославичъ Курскій и Трубчевскій, младшій братъ Игоря, героя поэмы. Скончался въ 1196 году; въ супружествѣ имѣлъ дочь князя Глѣба Юрьевича Переяславскаго.

⁵⁾ Азовское море или Судакъ въ Крыму.

⁶⁾ Древній Херсонесъ Таврическій.

⁷⁾ Тьмутараканъ былъ княженіемъ нашихъ обдѣленныхъ владѣтелей и находился гдѣ-то около Азовскаго моря, такъ-какъ въ «Патерикѣ», въ житіи св. Никона, островъ Таманъ названъ тьмутараканскимъ. По кончинѣ Олега, онъ былъ завоёванъ половцами.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С. П. Б. 24 НОЯБР. 1875 Г.

КАРТ. ЗАВ. А. ИЛЬИНА.

ПѢСНЬ ТРЕТЯ.

ПОВѢДА.

ТѸ сѧ копіємъ приламати!

ТѸ сѧ саблямъ потрѣчати!

Съ заранѣ въ пѣткѣ потопташа
Поганыѣ плзкы Половецкыѣ,
И, рассѣшѣсь стрѣлами по полю,

Помчаша красныѣ дѣвки Половецкыѣ,
А съ ними злато и паволокы
И драгыѣ оксамиты.

Орьтзмами и ѡпончицами и кожѣхы
Начашѣ мосты мостити
По болотомъ и грязивымъ мѣстомъ
И всякыми ѡзорочьи половѣцкыми.
Чрьленъ стѣгъ, бѣла хорюговъ,
Чрьлена чолка, сребрено стрѣжѣе —
Храбромъ Святъславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо...
Далече залетѣло...

Въ пятницу утромъ разбили они половецкія
рати

И, разсѣясь стрѣлами по чистому полю, по-
мчали

Красныхъ дѣвицъ половецкихъ съ собою, а съ
ними и бархатъ

Цѣнный, и золото въ слиткахъ, и разныя ткани.

Плащами жъ,

Шубами, юртами — гати гатили, мосты насти-
лали

Въ топкихъ мѣстахъ и по грязнымъ болотамъ.

Червлѣнное знамя

Съ бѣлой хоруговою ¹⁾, красная чолка ²⁾ съ се-
ребрянымъ древкомъ —

Храбраго Игоря доля. Чутко средь чистаго
поля

Дремлетъ Олега гнѣздо удалое — далече умча-
лось.

Не былонѣ обидѣ порождено
 Ни соколѣ, ни кречетѣ,
 Ни тебѣ, чръный воронѣ,
 Поганый Половчинѣ!
 Гзакѣ бѣжитѣ сѣрымѣ влзкомѣ;
 Кончакѣ смѣ слѣдѣ правитѣ кѣ Донѣ великомѣ.

Другаго дни velmi рано
Кровавыѣ зори свѣтъ повѣдаютъ;
Черныѣ тѣчѣ съ моря идѣтъ,
Хотѣтъ прикрыти ѿ солнца;
А въ нихъ трепещѣтъ сини мазни:
Быти громъ великомъ,
Ити дождю стрѣлами съ Донъ великаго.

ТѸ сѧ копѣмъ приламати,
ТѸ сѧ саблѣмъ потрѣчати
О шеломи половецкыѧ,
 На рѣцѣ на Каѧѣ,
 У Дону великаго.
 О, Рускаѧ землѣ!
Уже не Шеломенемъ еси.
Се вѣтри, Стрибожи внуци,
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрыѧ плъкы Игоревы!
 Землѧ тѣтнетъ,
 Рѣкы мѣтно текѣтъ;
 Пороси полѧ прикрываютъ;
 Стѣзи глаголютъ;

Не на обиду ни соколу-птицѣ, ни кречету
 злomu,
 Не на обиду тебѣ породилось оно, половчанинѣ
 поганый,
 Воронѣ зловѣщій! А Гзакѣ ³⁾ ужь бѣжить сиромашою волкомѣ;
 Хищный Кончакѣ ему слѣдѣ пролагаетѣ къ
 великому Дону.

Рано заутра востокѣ загорѣлся кровавой зарёю;
 Чорныя тучи отъ моря идутѣ — закрываютѣ
 четыре
 Солнца ⁴⁾; въ нихѣ синія молніи блещутѣ: быть
 сильному грому,
 Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона.
 Тамѣ-то
 Копьямѣ стальнымѣ поломаться! тамѣ-то мечамѣ
 притупиться
 О половецкіе племя — на рѣчкѣ Каялѣ, у
 Дона!
 Русь, уже ты подѣ курганомѣ! Чу, вѣтры, Стрибоговы ⁵⁾ внуки,
 Вѣютѣ съ моря стрѣлами на храброе русское
 войско.
 Стонетѣ земля, помутилися рѣки, поля покрываетѣ
 Пыль и лепечутѣ знамѣна: то половцы идутѣ
 отъ Дона,

Половци идѣтъ отъ Дона, и отъ моря,
И отъ всѣхъ странъ.
Рускыѣ пазыкы отступяша.

Дѣти бѣсови кликомъ полѣ прегородиша,
А храбри Русици
Преградиша чрълеными щиты.

Дръ тѣре Рсєволодѣ!
Стоиши на борони,
Прыщєши на вои стрѣлами,
Гремлєши о шєломы мечи харалѣжными.

Камо Тѣрѣ поскачашє,
Своимъ златымъ шєломомъ посвѣчивашъ,
Тамо лєжатъ поганымъ головы половецкыѣ;

Поскепаны саблѣми калєными
Шєломы Оварьскыѣ
Отъ тебє, Дръ Тѣре Рсєволодє!

Каѣ раны дорога, братїє,
Забывъ чти и живота
И града Чрънигова,
Отнѣ злата стола,
И свєѣд милымъ хоти краснымъ Глѣбовны
Свычаѣ и обычаѣ?

Идутъ отъ моря, отвсюду и наши полки окру-
жаютъ.

Бѣсовы дѣти кликомъ побѣднымъ поля огра-
дили;

Русское жь войско щитами червлѣнными ихъ
заслонило.

Всеволодъ буйный, ты бѣешься въ переднемъ
отрядѣ, стрѣлами

Прыщешь на хищныхъ враговъ и гремишь объ
ихъ шлемы мечами;

Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золочѣнымъ
шеломомъ

Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія го-
ловы грудой;

Тамъ, пополамъ разсѣченны саблей булатной
твоею,

Всеволодъ доблестный, падаютъ въ прахъ ихъ
аварскіе шлемы.

Братцы, какой побоится онъ раны, когда онъ
для славы

Всѣ позабылъ — и почѣтъ, и весѣлую жизнь,
и Черниговъ

Городъ, и отчій престолъ золотой, и своей
ненаглядной

Глѣбовны ⁶⁾, милой супруги, привѣтъ и обыч-
ныя ласки?

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ТРЕТЬЕЙ.

¹⁾ «Хорюговъ — знамя Спаса или Святого покровителя войска». (Вельтманъ.)

²⁾ Вѣроятно, то же, что турецкій бунчукъ, то-есть — знамя съ навязанными на нѣмъ конскими волосами, такъ-какъ у насъ и теперь часть конской гривы называютъ чолкою.

³⁾ Гзакъ и Кончакъ — ханы половецкіе.

⁴⁾ «Для пѣвца Игорева вещественный неодушевлѣнный міръ — образъ міра духовнаго: *чорныя тучи* — половцы, *четыре солнца* — четыре князя дружины игоровой, то-есть — самъ онъ, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій и Владимиръ Путивльскій, сынъ Игоря.» (Дубенскій.)

⁵⁾ Стрибогъ, онъ же Позвиздъ, славянскій Эоль, богъ бурь и непогодъ.

⁶⁾ Ольга Глѣбовна — супруга Всеволода, дочь князя Глѣба Юрьевича Кіевскаго и сестра Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ ПѢВЦА ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Погибашеть жизнь Дажь-Божа вѣка.

Были вѣчи Троѣни,
Жинѣла лѣта Ярославѣ;
Были пазци Олговы,
Ольга Свѣтѣславличѣ.

Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамолѣ коваше,
И стрѣлы по земли сѣмше,
Стѣпаетъ въ златѣ стремя
Изъ градѣ Тъмѣтороканѣ.

Тоже звонѣ слыша давній велкій
Ярославъ сынъ Всеволожѣ;
А Владимѣръ по всѣмъ ѣстра
Уши закладаше въ Черниговѣ.

Бориса же Рѣмѣславличѣ
Глава на сѣдѣ приведе,
И на канинѣ зеленѣ паполонѣ постла,
За обидѣ Олговѣ

Прошли трояновы вѣка,
Минуло время Ярослава,
Не стало ѡльгова полка —
Олега ¹⁾, сына Святослава:
Мечѣмъ крамолу онъ ковалъ,
Стрѣлами землю засѣвалъ.

Когда въ родномъ Тьмутаракани
Онъ въ стремя бранное вступалъ,
Тогда призывнымъ звукамъ брани
Великій Всеволодъ внималъ,
Межь-тѣмъ какъ каждою зарёю
Въ своихъ твердыняхъ, за Десною,
Владиміръ ²⁾ уши затыкалъ.

И привела на судъ свой слава
Бориса ²⁾, сына Вячеслава,
И положила на ковѣрь —
На бархатъ конскаго покрова —

Храбра и млада князь.

Съ томъже Каѣлы
Свѣтоплъкъ повелѣа отца своего
Между Угорьскими иноходьцы
Ко Свѣтѣй Гофинъ къ Кіевѣ.

Тогда при Олзѣ Гориславличи

Сѣѣшетсѣ и растѣшетъ ѡсовицами;

Погибашеть жизнь Дажь-Божа вѣвка,
Бѣзъ княжихъ крамолахъ
Вѣци челоуѣкомъ скратишасѣ.

Тогда по Руской земли
Рѣтко ратаевѣ кикахѣтъ,
Изъ часто врани грахѣтъ,
Трупа сѣбѣ дѣлаче;

А галици свою рѣчь говорѣхѣтъ,

Хотѣтъ полетѣти на ѡедіе.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы;

А сице и рати не слышано.

За оскорбленье, за позоръ
Олега, князя молодого.
И Святополкъ ⁵⁾ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ ⁶⁾ коняхъ
Къ стѣнамъ Софіевского храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ — кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили, горемъ разростались;
И погибала жизнь людей,
Внучать могучаго Дажь-бога ⁸⁾
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вѣроны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Рूसи не слыхали.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ.

¹⁾ Олегъ Святославичъ — дѣдъ Игоря, героя поэмы, бывший, вмѣстѣ съ своимъ крамольнымъ братомъ, Романомъ Святославичемъ Краснымъ, главнымъ виновникомъ междоусобныхъ войнъ того времени. Княжилъ въ Тьмутараканѣ съ 1065 по 1114 годъ; умеръ 1-го августа 1115 года.

²⁾ Всеволодъ Ярославичъ I — великій князь кievскій.

³⁾ Владиміръ Мономахъ — доблестный защитникъ Земли Русской отъ половцевъ, княжившій сначала въ Черниговѣ, а съ 1113 по 1125 годъ бывший великимъ княземъ кievскимъ.

⁴⁾ Борисъ Вячеславичъ, сынъ Вячеслава Ярославича Смоленскаго. Былъ убитъ въ 1708 году, въ сраженіи при селѣ Нѣжатино (Нѣжинѣ).

⁵⁾ Святославъ Изяславичъ, сынъ великаго князя кievскаго Изяслава, убитого въ сраженіи на Нѣжатиной нивѣ.

⁶⁾ Угорскихъ — венгерскихъ.

⁷⁾ Пѣвецъ Игоря того же Олега Святославича (см. примѣч. 1-е) называетъ отъ себя — *Гориславичемъ*, какъ названа Рогнеда, супруга Владиміра I — *Гориславою*.

⁸⁾ Этимъ именемъ назывался кумиръ, боготворимый нѣкогда въ Кіевѣ. По мнѣнію графа Мусина-Пушкина, «пользовавшіеся благоденствіемъ, какъ даромъ даждь-божіевымъ, назывались его внуками».

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С. П. Б. 24 НОЯБР. 1875 Г.

КАРТ. ЗАВ. А. ИЛЬИНА.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

ПОРАЖЕНІЕ.

Что ли шумить,
Что ли звенить
Далека рано предъ зорями?

Съ зараня до вечера,
Съ вечера до свѣта
Летѣтъ стрѣлы каленыѣ,
Гримлютъ сабли о шеломи,
Трещатъ копя харалужныѣ,

Въ полѣ незнаемѣ
Среди земли Половецкыи.

Черзна землѣ подъ копыты
Костьюми была постѣна,
А кровню польна:

Тѣгою взыдоша по Руской земли.

Что ли шѣмь,
Что ли звенить
Давечѣ рано предъ зорѣми?

Вплоть до вечера съ разсвѣта
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещать,
Свищутъ стрѣлы каленія,
Сабли острыя гремятъ
О шеломахъ боевые,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Степь подъ конскими ногами
Вкругъ засѣяна костями,
Алой кровью полита
И — той кровію сыта —
Роковой взошла бѣдою
По-надъ Русскою землёю.

Что за топотъ, что за звонъ ¹⁾
Рано утромъ, предъ зарёю?

Игорь плзкы заворачаетъ:

Жаль бо ємѸ мила брата Всеволода.

Бишасѣ день,
Бишасѣ дрѸгий:

Третьѣго дни кѹ полѸдню
ПадѸша стѣзи Игоревы.

ТѸ сѣ брата разлѸчиста
На врезѣ выстрой Камлы.

ТѸ кроваваго вина не доста;

ТѸ пирѹ докончаша
Храврии РѸсичи:

Сваты попоиша,
А сами полегоша
За землю РѸскѸю.

Ничить трава жалоцѣми,

А древо стѸгою
Кѹ земли преклонилось.

Это Игорь! — это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бились день — не отступали,
Храбро билися другой,
Въ третій — въ полдень — подъ грозой
Стяги княжескіе пали ²⁾.
Тутъ на берегѣ, гдѣ бились
Оба брата разлучились,
Гдѣ — гульлива и буйна —
Мчится быстрая Каяла ³⁾.
Тутъ кроваваго вина
Не хватило, не достало;
Тутъ, у вражеской рѣки,
Наши братья-земляки
Цирь кровавый довершили,
Жданныхъ сватовъ напоили,
И — за честь своей земли —
Сами трупами легли.

Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонить яворъ молодой.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЯТОЙ.

1) Подъ словомъ «звонъ» надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ. *Звонитъ* значило сзывать народъ на вѣче, дружину на рать; а *звонъ слышатъ* — идти на зовъ, готовиться къ оборонѣ.

2) Стягъ — главное войсковое, сборное знамя.

3) Ныиѣшній Кагальникъ, впадающій въ Азовское море.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ПЛАЧЪ ПѢВЦА.

Тоска разлилась по Русской земли.

Уже бо, братіє,
Не веселаѣ година вѣстала,
Уже пѣстыни силѣ прикрыла.
Вѣстала обида
Вѣ силахѣ Дажь-Божа внѣка.
Встѣпилѣ дѣвою
На землю Троїню,
Вѣсплескала лебедиными крылы
На синемѣ морѣ ѣ Донѣ плещѣчи:

Увѣди жирна времена.

Усобица Кнѣземѣ на поганымѣ погыбе,

Рекоста бо братѣ братѣ:
Ге мое, а то моеже;
И начаша Кнѣзи про малое —
Ге великое мѣзвити,

Наступило, братцы, времечко,
Наступило не весёлое:
Степь прикрыла силу ратную.
Возстаёт обида кровная
Въ силахъ племени даждь-божьего,
Разражается несчастьями,
И, вступивши на Троянову
Землю дѣвой, громко крыльями
Заплескала лебедиными
На Дону, у моря синяго:
Пробудила время тяжкое.

Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
На поганныхъ; вмѣсто дружества,
Сталь братъ брату поговаривать:
«То моё, моё и это всё!»
Стали спорить межъ собой князья
За пустое какъ за важное

А сами на себѣ крамолѣ ковати:
 А поганинъ съ всѣхъ странъ
 Прихождахъ съ побѣдами
 На землю Рускую.

О! далече зайде соколъ,
 Птиць бѣѣ къ морю:
 А Игорѣва храбраго плъкъ не крѣсити.

За нимъ кликъ Карна и Жлѣ,
 Поскочи по Руской земли,
 Смагъ мычючи въ пламяне розѣ.

Жены Рускѣ всплакашась, аркѣчи:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
 Ни мыслю смыслити,
 Ни дѣмою сдѣматн,
 Ни очима съгладати,
 А злата и сребра ни мало того потрепати.

А вѣстона бо, братіе, кievъ тѣгою,
 А Черниговъ напастьми;

Тоска разлѣсѣ по Руской земли.

Печаль жирна течѣ средь земли Руской.

А Князи сами на себѣ крамолѣ ковахъ;

И вѣрамоу на себя ковать.
 А поганые со всѣхъ сторонъ
 Между-тѣмъ, какъ побѣдители,
 Приходили въ Землю Русскую.

О! далѣко залетѣлъ соколъ,
 Птицъ сгоняя къ морю синему:
 Ужъ дружинъ храброй Игоря
 Не воскреснуть. По слѣдамъ ея
 Жля и Карна ¹⁾ громко крикнули,
 Понеслись Землёю Русскою
 И изъ рога огне-мѣтнаго
 Извергали пламя лютое.

Зарыдали жоны русскія,
 Приговаривая жалобно:
 «Видно ужъ не взмыслить мыслию,
 Видно ужъ не вздумать думою,
 Ни очами, видно, болѣе
 Не увидѣть намъ мужей своихъ;
 Серебромъ и звонкимъ золотомъ
 Не бренчать намъ, не побрякивать!»

Возстоналъ такъ Кіевъ скорбію,
 А Черниговъ подъ напастями;
 Разлилась тоска тяжолая
 По Руси — и горе лютое
 Затопило Землю Русскую.
 А межъ-тѣмъ какъ князья русскіе

А погани сами повѣдами нарицѣше
На Рускѣю землю,

Смлахѣ дань по вѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбраа Свѣтзславича,
Игорь и Всеволодъ,
Уже лжѣ ѡбѣди,
Которѣю то бѣше
Успилъ отецъ ихъ
Свѣтзславъ грозный
Великий Кіевскій.

Грозою бѣшетъ,
Притрепеталъ своими сильными плъкы
И харалѣжными мечи;

Настѣпи на землю Половецкѣю,
Притопта хлѣми и ѡрѣгы,
Взмѣти рѣки и озера,
Песѣши потоки и болота,

А поганиаго Ковѣка изъ лѣкѣ моря
Отъ желѣзныхъ, великихъ
Плѣковъ половецкихъ,
Ако вихрѣ, выторже:

И падесѣ Ковѣкѣ въ градъ Кіевъ,
Въ гриднищѣ Свѣтзславли.

Межь собою только ссорились,
 Наши вороги поганые
 Приходили въ Землю Русскую
 И съ дворовъ, какъ побѣдители,
 Собирали дань постыдную —
 По одной по бѣлкѣ ²⁾ съ каждаго.
 Потому-что Святославичи,
 Всеволодъ и Игорь храбрые,
 Вновь вражду неукротимую
 Пробудили — ту, которую
 Усыпиль-было родители ихъ ³⁾,
 Святославъ великій Кіевскій.

Онъ заставилъ хищныхъ половцевъ
 Трепетать, какъ передъ бурею,
 Предъ своею ратью сильною,
 Предъ саблями булатными.
 Наступилъ ногою твёрдою
 Онъ на Землю Половецкую,
 Притопталъ холмы съ оврагами,
 Возмутилъ озёра съ рѣками,
 Изсушилъ влючи съ болотами
 И исторгъ изъ лукоморія ⁴⁾
 Кобяка ⁵⁾ ихъ нечестиваго,
 Изъ середины половецкаго
 Войска сильнаго, несмѣтнаго —
 И Кобякъ безсильнымъ плѣнникомъ
 Очутился въ стольномъ Кіевѣ,
 Во дворцѣ велико-княжескомъ.

ТѸ Нѣмци и Ренедици,
ТѸ Греци и Морава
Поютъ славѸ Свѣтзславю,
Кають Кнѣзѣ Игорѣ,
Иже погрози жирѣ
Во днѣ Каѣлы
Рѣкы Половецкыѣ,
РѸскаго злата насыпаша.
ТѸ Игорь Кнѣзь
Высѣдѣ изъ сѣдла злата,
А въ сѣдло Кошнѣво.
Уныша во градомѣ забрамы,
А веселѣ поничѣ.

Греки и купцы нѣмецкіе,
И моравцы съ веницейцами
Пѣли славу Святославою
И хулили князя Игоря,
Потопившаго въ Каяль-рѣкѣ
Половецкой силу ратную,
Вмѣстѣ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
Гдѣ онъ, храбрый Игорь Сѣверскій,
Изъ сѣдла раззолочѣнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.

Приуныли стѣны крѣпкія,
Омрачилось веселіе.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ШЕСТОЙ.

1) Жля и Карна — ханы половецкіе.

2) Половцы, полагая дань съ двора, вѣроятно брали шкурами бѣлокъ, какъ и нынѣ собирается дань съ кочующихъ народовъ Сибири кунницами, бѣлками, соболями. Хотя въ то время, кромѣ иностранныхъ монетъ, были и русскія деньги въ обращеніи, но ихъ такъ было мало, что въ торговлѣ замѣняли ихъ шкурами дорогихъ звѣрей.

3) Здѣсь великій князь Кіевскій Святославъ III названъ отцомъ Игоря и Всеволода — по старшинству, хотя, собственно, онъ былъ ихъ двоюроднымъ братомъ.

4) Такъ назывался морской *излучистый* берегъ, имѣющій видъ лука или дуги. Одна изъ ордъ половецкихъ, обитавшая близъ лукоморія, называлась — лукоморскою.

5) Ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

Два солнца полѣркоста,
Ова багрянаѣ стлѣпа погасоста.

А Свѣтзславъ мѣтенъ сонъ видѣ:

Въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера

Одѣвахъте мѣ, рече,

Чрзною паполомою,

На кровати тисовѣ.

Чрзпахъть ми синее вино

Съ трѣдомъ смѣшено;

Сыпахъть ми тѣщими тѣлы

Поганыхъ тѣлковинъ великій желчюгъ на лоно,

И нѣгѣють мѣ.

Уже дѣскы безъ кнѣса

В моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ.

Всю ночь съ вечера

Босѣви врани възграхъ,

У Пѣсньска на болони

Бѣша дѣбрь Кисаню,

И не сошлю къ синемъ морю.

Худой Святославу привидѣлся сонъ:

«Мнѣ снилось — боярамъ рассказывалъ онъ —

Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,

Въ горахъ надъ Днѣпромъ,

Меня одѣвали въ чорнымъ покровомъ

И съ синимъ виномъ

Отраву мѣшали,

И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали;

И будто бы жемчугъ колчаномъ пустымъ

Изъ раковинъ черпали въ чередою,

И тѣмъ жемчугомъ дорогимъ

Меня осыпали, смѣясь надо мною;

И что въ златоверхихъ палатахъ моихъ

Безъ матицы доски лежали;

А бѣсовы вѣроны дебрей глухихъ

Всю ночь, до разсвѣта, у Пльнска ¹⁾ кричали,

На выгонѣ злачныхъ луговъ городскихъ

И прочь не летѣли на синее море!»

И ркоша боѣре Кнѣзю:

Уже, кнѣже, тѣга ѡмь полонила;

Се бо два сокола слѣтѣста

Оз отнѣ стола злата,

Поискати града Тъмѣтороканѣ,

А любо испити шеломомь Донѣ.

Уже соколома крыльца

Припѣшали поганыхъ савлаѣми,

А самаю опѣтоша

Въ пѣтины желѣзны.

Темно бо бѣ въ тѣ день:

Два солнца помѣркоста,

Оба влгнѣнаѣ стлѣпа погасоста,

И съ нимъ молодѣмъ мѣсѣца —

Олеѣ и Свѣтѣславъ тѣмою съ поволокоста.

На рѣцѣ на Каѣмѣ тѣма свѣтѣ покрыла:

По Рѣскои земли прострошасѣ Половци,

Аки пардѣже гнѣздо,

И въ морѣ погрѣзиста,

И великое вѣйство подасть Хиновѣ.

Уже снесесѣ хѣла на хвалѣ;

Уже треснѣ нѣжда на волю;

Уже врижесѣ дивѣ на землю.

«Увы! одолѣло насъ лютое горе!»

Бояре въ отвѣтъ:

Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,

Слетѣли съ родного

Стола золотого,

Собрались на брань —

Добыть изъ полона

Наслѣдственный Тьмутаракань,

Иль шлемомъ напиться изъ Дона.

Но крылья соколѣи ихъ

Враги обрубилѣ мечами,

А буйныхъ самихъ

Опутали крѣпко цѣпями.

«На третій день утро смѣнилось мглой,

Померкли два солнца подъ ризой ночной,

А съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —

Олегъ съ Святославомъ, два князя прекрасныхъ.

Заря на Каялѣ погасла во мглѣ:

Какъ барсы степные,

Разсѣялись половцы злые

По Русской Землѣ,

Въ пучину несчастій её погрузили

И хана на новую брань возбудили.

Хула помрачила хвалу,

Передъ силою воля склонилась,

И диво-сова, сквозь полночную мглу,

На землю спустилась...

Се во Готскѣмъ краснымъ дѣвы
 Въспѣша на врезѣ синемъ морю;
 Звонѣмъ Русскимъ златомъ,
 Поютъ время Бусово,
 Делѣютъ мѣсть Шароканю,
 А мы уже дружинѣмъ жадни веселимъ.

Тогда Великій Святславъ
 Изрони злато слово слезами смѣшено,
 И рече:
 О мои сыновчѣ Игорю и Рсєволодѣ!
 Рано еста начала
 Половецкѣю землю мечи цвѣлѣти,
 А себѣ славы искати.
 Изъ нечестно одолѣте:
 Нечестно во кровь поганѣю проліѣте.
 Раю храбрая сердца
 Въ жестоцеми харалѣзѣ скована,
 А въ бѣсти закалена.
 Се ли сотвористе моеи сребреней сѣдинѣ!

А уже не виждѣ власти сильнаго и богатаго
 И многовои брата моего Ярославъ,
 Съ Черниговьскими быльми,
 Съ Моугты, и съ Татраны, и съ Шельбири,
 И съ Топчаки, и съ Ревѣгы, и съ Ольберы.
 Тѣмъ бо бес щитовъ съ засапожинвы
 Кликомъ плзкы побѣждаютъ,
 Звонѣчи въ прадѣдную славу.

Чу! готскія ²⁾ дѣвы у моря запѣли
 Про Буса ³⁾, бойца своего,
 Про мечь Шарованову ⁴⁾, время его —
 И золотомъ русскимъ звенѣли.
 А вѣрной дружинѣ твоей суждено,
 Знать, горькое-горе одно!»

А князь отвѣчалъ имъ такими рѣчами,
 Мѣшая слова золотыя съ слезами:
 «О, Игорь и Всеволодъ, дѣти мои!
 Не впору вы противъ Земли Половецкой
 Мечи обнажили свои,
 Гоняясь за славой — молвой молодецкой;
 Безславно своихъ вы сломили враговъ,
 Безславно поганую пролили кровь!
 Изъ стали сердца ваши скованы были,
 А время и мужество ихъ закалили...
 И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
 На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?

«И вотъ ужъ враги полонили
 Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
 Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами былей ⁵⁾,
 Съ черниговской ратью своей?
 Гдѣ наши могуты, татраны, ревуги,
 Шельбиры, топчаки, ольберы? ⁶⁾ гдѣ, други,
 Они — побѣждавшіе крикомъ враговъ,
 Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
 Гремѣвшіе дѣдовской славой?

Из рекосте: мѹ жа имѣсѧ сами,
Преднюю славѹ сами похитимъ,
А заднюю сѧ сами подѣлимъ.

А чи диво сѧ, братіе,
Старѹ помолодити?
Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ,
Высоко птицѣ възбиваетъ;
Не дастъ гиѣзда своего въ обидѹ.

Из се зло Книже ми не посовіе;
На ниче сѧ години обратиша.

Се ѹ Римъ кричатъ
Подъ саблѧми Половецкыми,
А Володимиръ подъ ранами.
Тѹга и тоска сынѹ Глѣбовѹ!

Но вы говорили: «на подвигъ кровавый
Одни мы пойдёмъ, какъ въ минувшіе дни,
Прошедшую славу добудемъ одни,
Одни и грядущей подѣлимся славой!»
А развѣ нельзя на своёмъ на вѣку
Быть вновь молодымъ старику?
Когда ясный соколъ линяетъ,
Онъ птицъ высоко загоняетъ,
И ужь никогда
Въ обиду не дастъ дорогого гнѣзда,
Да горе — въ князьяхъ мнѣ не помощь, а бремя:
Такъ всё измѣняетъ крылатое время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ ⁷⁾,
А съ нимъ и Владиміръ ⁸⁾, болѣзнью томимъ.
Нѣтъ, видно, печаль и кручина
Удѣлъ беззащитнаго Глѣбова сына!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ СЕДЬМОЙ.

¹⁾ Плѣнскъ — нынѣшній Плѣсковъ (въ Галиціи).

²⁾ Готы ещё въ III вѣкѣ поселились въ Тавридѣ и были, около 1050 года, покорены половцами. Послѣ этого понятно, почему побѣда, одержанная половцами, могла доставить готскимъ дѣвамъ русское золото.

³⁾ «Не назывался ли *Бусомъ* въ простонародіи *Болушъ*, ханъ половецкій, подъ предводительствомъ котораго, въ 1055 году, половцы входили первый разъ въ область Переяславскую?» (Дубенскій.)

⁴⁾ Шароканъ или Шаракуръ — извѣстный полководецъ половецкій.

⁵⁾ *Черниговскіе были*, какъ сказано въ «Словѣ», вѣроятно то же, что у лѣтописцевъ — *ковуи черниговскіе*. Ковуями же, какъ извѣстно, назывались наёмныя дружины торковъ и берендѣевъ, служившихъ черниговскимъ и другимъ князьямъ, и составлявшіе особые отряды.

⁶⁾ Вѣроятно, особые отряды войскъ, названные по именамъ вождей, ими начальствовавшихъ. Такъ, напримѣръ, дружины торковъ и берендѣевъ назывались иногда по именамъ ихъ хановъ. То же, что у лѣтописцевъ: *ковуи черниговскіе*, *бастьева чадъ*, *каепичи* и проч.

⁷⁾ Римъ — нынѣшій уѣздный городъ Полтавской губерніи — Ромны.

⁸⁾ Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича и родной братъ супруги буй-туръ Всеволода — Ольги Глѣбовны.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

..... рыкаютъ,
Акъ твари ранены
Саблями каѣными,
На полѣ незнаемѣ.

Великий Княже Всеволоде!

Не мыслю ти прелетѣти издалеча
Отна злата стола поблюсти?

Ты бо можеши
Волгѣ веслы раскропити,

А Донѣ шеломы выльѣти.

А же бы ты былъ,

То была бы Чага по ногатѣ,
А Кошей по резанѣ.

Ты бо можеши посѣхѣ
Живыми шерешеры стрѣлѣти —

Удалыми сыны Глѣбовы.

Великій князь Всеволодъ ¹⁾ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами людей,
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь — по ногатѣ ²⁾
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвѣ половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнѣмъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба ³⁾, семьею
Его сыновей удалыхъ.

Ты бѣи Рюриче и Давыде!

Не ваю ли злачеными шеломи

По крови плаваша?

Не ваю ли храбраѣ

Дрѣжина рыкаютъ,

Акы тѣри ранены

Саблѣми калеными,

На полѣ незнаемѣ?

Встѣпита Господина

Изъ злата стремя —

За обидѣ сего времени,

За землю Русскѣю,

За раны Игоревы,

Всѣго Святславича!

Галички Осмомыслѣ Ярославѣ!

Высоко сѣдиши

На своемѣ златокованнѣмѣ столѣ.

Подперѣ горы Угорскыи

Своими желѣзными плъки,

Застѣпивѣ Королеви пѣть,

Затвори къ Дрѣнаю ворота,

Лѣча времени чрезъ облаки,

Сѣды рѣдѣ до Дѣнаѣ.

Ты, Рюрикъ ⁴⁾, отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненымъ турамъ
Концами калёныхъ мечей?

Скорѣй въ стремяна золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, Ярославъ ⁵⁾ именитый,
Князь Галицкій, славный умомъ!
Высоко сидишь ты на тронѣ,
На тронѣ своёмъ золотомъ.

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменья за тучи,
Ты путь королю ⁶⁾ заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкою пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далёко простёръ свою власть.

Грозы твоѣ по землямъ текуть;

Отвориши Кіевъ врата;

Стрѣлиши съ отна злата стола

Галтани за землями.

Стрѣлай, Господине, Кончака,

Поганаго Коцѣа —

За землю Русскую,

За раны Игоревы,

Всего Святславича!

А ты вѣй Романе и Мстиславе!

Храбрая мысль носитъ

Васъ умъ на дѣло.

Высоко плаваеши

На дѣло къ вѣсти,

Дко соколъ на вѣтрѣхъ ширѣе,

Хотѣ птицю въ вѣйствѣ одолѣти.

Буть во ѵ ваю желѣзными папорзи

Подъ шеломи латинскими.

Тѣми треснѣ землѣ,

И многи страны Хинова.

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далѣкимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далѣкой землѣ.

Направъ свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ ⁷⁾ и Мстиславъ ⁸⁾ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло еидаетесь въ бой;

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настигнуть вѣрнѣй;

Затѣмъ-что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.

Литва, Литвази, Деремела и Половци
 Сѣлици своѣ поврѣгоща,
 А главы своѣ поклониша
 Подъ тѣи мечи харалѣжныи.

Нѣ уже Кнѣже Игорю
 Утрѣ солнцю свѣтъ,

А древо не бологомъ листвѣ срони:

По Роси, по Сѣли
 Гради подѣлиша;
 А Игорѣва храбраго
 Плѣкъ не крѣсити.

Донѣ ти Кнѣже кличетъ,
 И зоветъ кнѣзи на повѣдѣ.
 Олговичи храбрыи Кнѣзи
 Доспѣли на брань.

Инзгварь и Всеволодъ,
 И вси три Мстиславици,
 Не хѣда гнѣзда шестокрилци,

Неповѣдимыми жребии
 Говѣ власти расхѣтисте?
 Кое ваши златыи шеломы
 И сѣлици Лацкии и щиты?
 Загородите полю ворота

Ятвяги ⁹⁾, Литва, Деремела ¹⁰⁾,
 И орды степныхъ дикарей
 Повергли оружье, склонились
 Подъ гнётомъ булатныхъ мечей.

Князья! ужъ померкъ невозвратно
 Для Игоря солнечный свѣтъ,
 И листья опали съ деревьевъ,
 Какъ-будто въ предвѣстіе бѣды:

Ужé городá подѣлили
 По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
 А Игоря храброй дружинѣ
 Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, синій Донъ на побѣду
 Зовѣтъ васъ, вздымая волну!
 Отважныя ольговы дѣти
 Готовы идти на войну.

О, Ингваръ и Всеволодъ! ¹¹⁾ Трое
 Васъ братьевъ — и всѣ вы бойцы:
 Родного гнѣзда шестокрыльцы,
 Гнѣзда не худого птенцы!

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
 Вы власти — желанной меты:
 Къ чему жъ золотые шелома,
 Къ чему вамъ стальные щиты?

Своими острыми стрѣлами —
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Бѣго Святъславича!

Свои воротà оградите
Стрѣлами отъ вражьихъ племёнъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВОСЬМОЙ.

¹⁾ Всеволодъ Юрьевичъ — великій князь Владимірскій на Клязьмѣ, въ княженіе котораго былъ походъ игоревъ; родной дядя Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

²⁾ Ходячая мелкая монета того времени. Въ гривнѣ считалось 20 погать или 50 резанъ, слѣдовательно въ погатѣ было $2\frac{1}{2}$ резаны: погата на металлы равнялась нынѣшнему полтиннику, а резана — двугривенному.

³⁾ Князья рязанскіе — Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, признавшіе, въ 1180 году, своимъ главою князя Владимірскаго Всеволода, съ которымъ они и ходили, въ 1183 году, на болгаръ.

⁴⁾ Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи — внуки Мстислава Великаго.

⁵⁾ Ярославъ Владиміровичъ, великій князь Галицкій (прозванный *осьмомысломъ*), тестъ Игоря, героя поэмы.

⁶⁾ Венгерскому.

⁷⁾ Романъ Мстиславичъ — князь Владимірскій на Волини (впослѣдствіи, именно съ 1197 года, великій князь Галицкій). Онъ смирилъ ятвяговъ и много разъ ходилъ войною на литовцевъ. О нёмъ-то въ лѣтописяхъ сохранилась пословица: *Романе! худымъ живеш: Литвою орати.*

⁸⁾ Мстиславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Луцкаго и двоюродный братъ Романа.

⁹⁾ Дикіе обитатели Подлѣсья (Подляшья).

¹⁰⁾ Латинское племя.

¹¹⁾ Здѣсь рѣчь идётъ о трѣхъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго: Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ здѣсь только два первые названы по имени, потому-что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИНУВШЕМЪ.

Всеславъ Кнѣзь людемъ сѣдѣше,
Кнѣземъ грады рѣдѣше,
А самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше.

Уже во Сѣла
Не течетъ серебряными струями
Къ градѸ Переяславию,
И Двина болотомъ течетъ
Онымъ грознымъ Полочаномъ,
Подъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
Позвони своими острыми мечи
О шеломахъ Литовскихъ;
Притрепа славъ дѣдѸ своемъ Всеславъ,
А самъ подъ чрвленными щиты
На кровавъ травѸ
Притрепанъ Литовскими мечи.
И сѹхоти ю на кровать, и рекъ:
„ДружинѸ твою, Княже,
Птиць крилы приодѸ,
А звѣри кровь полизаша.“

Ужь къ Переяславлѹ-городу рѣча Сула сере-
бристыхъ
Струй не катѣтъ, и Двина болотомъ течетъ къ
половчанамъ
Грознымъ, подъ кликомъ поганныхъ ¹⁾.

Одинъ Изя-
славъ Васильковичъ ²⁾
Въ шлемы литовскіе острымъ мечомъ позво-
нилъ и, затмивши
Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными
щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель
литовскихъ;
Слѣгъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину
твою удалую
Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь поли-
зали!»

Не бысь тѣ брата Брѣчѣслава,
Ни дръгаго Рсєволода;

Єдинъ же изрони жемчѣжнѣ дѣшѣ
Изъ хрѣбра тѣла, чрєсѣ злато ожерєлє.

Унылы голоси, поничє веселє.
Трѣвы трѣвѣтъ Городєньскѣи.

Дрославє, и всѣ внѣцє Рсєславѣ!
Ужє понизитѣ стѣзи своѣ,
Ронзитѣ своѣ мечѣ верєжєни;

Ужє во выскочитє изъ дѣднєѣ славѣ.

Ры во своѣми крамолами
Начѣстє наводитѣ поганымъ

На землю Рѣскѣю,
На жизнь Рсєславлю.
Которое во бѣше насилє
Отъ земли Половецкѣи!

На сєдьмомъ вѣцѣ Троѣни
Ррѣжє Рсєславъ жрєбѣѣ
О дѣвицю сєбѣ любѣ.

Тѣѣ клюками подпрѣсѣ о конѣ,
И скочи кѣ градъ Кѣевъ,
И дотчєсѣ стрѣжємъ

Ни Брячеслава съ нимъ нѣ было, ни Всеволода:

одинъ онъ

Выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго

тѣла

Сквозь золотое своё ожерелье. Поникло ве-

селье;

Смогли печальныя пѣсни; трубятъ городѣн-

скія ³⁾ трубы...

Князь Ярославъ ⁴⁾ и вы внуки Всеслава! скло-

ните знамѣна

Долу; вложите мечи притуплённые: вы помра-

чили

Славу могучаго дѣда! Не вы ль приманили по-

ганныхъ

Вашей крамолой на Русскую Землю, на племя

Всеслава,

Чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье, какое

ужь терпитъ

Русь отъ Земли Половецкой.

Въ вѣкѣ седьмомъ

отъ Трояна

Кинулъ жребій Всеславъ ⁵⁾ о любимой имъ дѣ-

вицѣ красной ⁶⁾;

И, не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня бое-

вого,

Къ стольному Кіеву-городу онъ прискакалъ, и

доткнулся

Злата стола Кієвскаго.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
 Въ пзночи изъ Бѣла-града,
 Обѣсисѣ синѣ мглѣ,
 Утрѣ же воззни стрикѣсы
 Оттвори врата Новѣ-градѣ,
 Разшибе славѣ Дрославѣ,
 Скочи влзкомъ до Нѣмиги съ Дѣдѣтокѣ.

На Нѣмизѣ снопы стелютъ головами,
 Молотѣтъ чѣпи харалѣжными,
 На тоцѣ животъ кладѣтъ,
 Вѣютъ дѣшѣ отъ тѣла.

Нѣмизѣ кровави брезѣ
 Не бологомъ бѣхѣтъ посѣѣни,
 Посѣѣни костью Рѣскихъ сыновѣ.

Всеславѣ Кнѣзѣ людемъ сѣдѣше,
 Кнѣземъ грады рѣдѣше,
 А самъ въ ночь влзкомъ рыскаше;
 Изъ Кыева дорискаше
 До Кѣрѣ Тмѣтороканѣ;
 Великомъ хѣрсови
 Влзкомъ пѣть прерыскаше.
 Томъ въ Полотскѣ

Позвониша заѣтренюю рано
 У Свѣтѣѣ Гофѣи въ колоколы:
 А онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

Древкомъ копья своего до его золотого пре-
стола.

Въ полночь оставилъ Бѣль-гѣродъ, окутался
синею мглою,

Кинулся звѣремъ — и скрылся; а утромъ, под-
вѣзши стрикусы ⁷⁾,

Сшибъ новгородскіе створы, разбилъ ярославову
славу...

Бросился волкомъ къ Немигѣ ⁸⁾ съ Дудутокъ... ⁹⁾
А на Нѣмигѣ

Головы стелютъ снопами, молотятъ стальными
цѣпами,

Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ
тѣла.

Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой
засѣянь

Былъ, а костями русскихъ сыновъ. Князь Все-
славъ народу

Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города; а самъ
волкомъ

Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тьму-
таракани

И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому
Хорсу ¹⁰⁾.

Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ за-
утренѣ рано

Въ колокола у Софїи святой, а онъ въ Кіевѣ
слышалъ

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ,
Изъ часто бѣды страдаше.

Томъ вѣщій Божіи
И прѣвое припѣвкѣ емысленный рече:

„Ни хытрѣ, ни гораздѣ,
Ни птицю гораздѣ
Гѣда Божіи не минѣти.“

О, стонати Руской земли,
Поминѣвше прѣвѣю годинѣ,
И прѣвѣхъ Кнѣзей!
Того стараго Владимира
Не льзѣ бѣ пригвоздити
Къ горамъ Кіевскимъ:

Сего бо нынѣ сташа стѣзи Рюриковы,
А дрѣзи Давидовы;

Изъ рози носѣ имѣ хоботы пашѣтъ,
Копіа поютъ на Дунаи.

Благовѣсть тотъ.

Хотя у иного и вѣщее серд-
це
Въ тѣлѣ, а часто страдаетъ. Ему-то разумную
пѣсню
Вѣщій Боянъ нашъ сложилъ, что ни хитрый,
ни умный, ни птица
Быстрая въ небѣ не мѣнуетъ суда правосуднаго
Бога.

Какъ не стонать и не плакаться Русской Землѣ,
вспоминая
Старое время и старыхъ князей! Нельзя жъ
было вѣчно
Въ Кіевѣ стольномъ Владиміру старому кня-
жить: и нынѣ
Стяги его, доставшия Рюрику съ братомъ Да-
выдомъ,
Словно волы, запряжѣнные въ плугъ, подъ яр-
момъ ненавистнымъ
Нивнутъ, межъ-тѣмъ какъ тяжолыя копья сви-
стать на Дунаѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДЕВЯТОЙ.

- 1) То-есть — литовцевъ.
- 2) Одинъ изъ князей Полоцкихъ, едва ли не сынъ Василька Рогволодовича, о которомъ лѣтописцы упоминаютъ подъ 1132 годомъ. О бѣдственной участи этого князя лѣтописи умалчиваютъ.
- 3) Мѣстечко Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ Васильковичъ, существуетъ и нынѣ въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, между рѣками Стиремъ и Горынью.
- 4) Такъ-какъ между именами князей Полоцкихъ нѣтъ Ярославовъ, то надо думать, что сочинитель обращаетъ здѣсь рѣчь къ Ярославу Владиміровичу, внуку Мстислава Великаго, подъ предводительствомъ котораго новгородцы, около 1190 года, воевали съ корелами.
- 5) Всеславъ Брячеславичъ, правнукъ Рогнѣды, наследовалъ полоцкое княженіе въ 1044 году. Лѣтописецъ называетъ его злымъ, кровожаднымъ, и суевѣрно приписываетъ эту жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой Всеславомъ на головѣ для закрытія природной язвы.
- 6) Стихотворно — Кіевъ.
- 7) Стрикусы — стѣнобитное орудіе.
- 8) Нѣманъ.
- 9) Мѣстечко около Новгорода Великаго, гдѣ и теперь находится монастырь, такъ называемый — *на Дудуткахъ*.
- 10) Несторъ упоминаетъ о болванѣ Хорсѣ, которому поклонялись въ Кіевѣ до введенія христіанской вѣры. Нѣкоторые полагаютъ, что это былъ славянскій Марсъ, богъ войны.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Ярославнынъ гласъ слышитъ:

Зегзицею незнаемъ, рано кычетъ.

Дрославнынъ гласъ слышитъ:

Зегзицею незнаемъ, рано кычетъ:

„Полечю — рече —
Зегзицею по Дѹнаєви;

Омочю бєвранъ рѹкавъ
Изъ Камлѣ рѣцѣ,

Утрѣ Кнѣзю кровавыѣ его раны

На жестоцѣмъ его тѣлѣ.“

Дрославна рано плачетъ
Изъ Пѹтивлѣ на заборолѣ,

Аркѹчи:

Звучный голосъ раздаётся
Ярославны ¹⁾ молодой.
Стономъ горлицы несётся
Онъ предъ утренней зарёй:

«Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу —
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу:
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ.»

Такъ въ Путивлѣ изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

„О вѣтрѣ! вѣтрило!
 Чемъ, Господине, насильно вѣеши?
 Чемъ мычеши Хиновъскыя стрѣлки
 На своею не трѣдною крилицю
 На моея лады вои?

Мало ли ти бѣшетъ
 Горъ подъ облакы вѣати,
 Лелѣючи корабли на синѣ морѣ?

Чемъ, Господине,
 Моё веселіе по ковылю развѣмъ?“

Дрославна рано плачетъ
 Пѣтивъ городъ на заборолѣ,

Аркѣчи:

„О Днепре словѣтицю!

Ты пробилъ еси каменныя горы
 Сквозъ землю Половецкѣю.

Ты лелѣалъ еси на себѣ
 Бѣтослави носады
 Да плзкѣ Кобѣкова:
 Възлелѣй, господине,
 Мою ладѣ къ мнѣ,

«Вѣтеръ, что ты завываешь
 И на крыльяхъ на своихъ
 Стрѣлы ханскія вздымаешь,
 Мечешь въ воиновъ родныхъ?
 Иль тебѣ ужъ на просторѣ
 Тѣсно вѣять въ облакахъ,
 Корабли на синемъ морѣ
 Мчатъ, лелѣять на волнахъ?
 Для чего жъ однимъ размахомъ
 Радость лучшую мою
 Ты развѣялъ лѣгкимъ прахомъ
 По степному ковылю?»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
 На стѣнѣ на городской
 Ярославна молодая
 Горько плачетъ предъ зарей:

«Днѣпръ мой славный! ты волнами
 Горы крѣпкія пробилъ,
 Половецкими землями
 Путь свой дальній проложилъ;
 На себѣ, сквозъ всѣ преграды,
 Ты лелѣяла, рѣка,
 Святославовы ²⁾ насады ³⁾
 До улусовъ Кобяка:
 О, когда бъ ты вновь примчала
 Друга къ этимъ берегамъ,

А быхъ не слала къ немѸ
Слезъ на море рано.“

Дрославна рано плачетъ
Въ ПѸтивлѸ на заборолѸ,

АркѸчи:

„Свѣтлое и тресвѣтлое слзице!
Всѣмъ тепло и красно еси:
Чемъ, господине,
Простре горячую свою лѸчию
На ладѸ вон?
Въ полѸ безводнѸ
ЖаждѸю имъ лѸчи сѸпрѸже,
ТѸгою имъ тѸли затче?“

Чтобы я къ нему не слала
Слёзь на море по утрамъ!»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

«Солнце ясное трикраты!
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучёмъ утраты
Войско милаго сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И что гнётъ тоски-недоли
На колчаны налегло?»

ПРИМѢЧАНІЯ

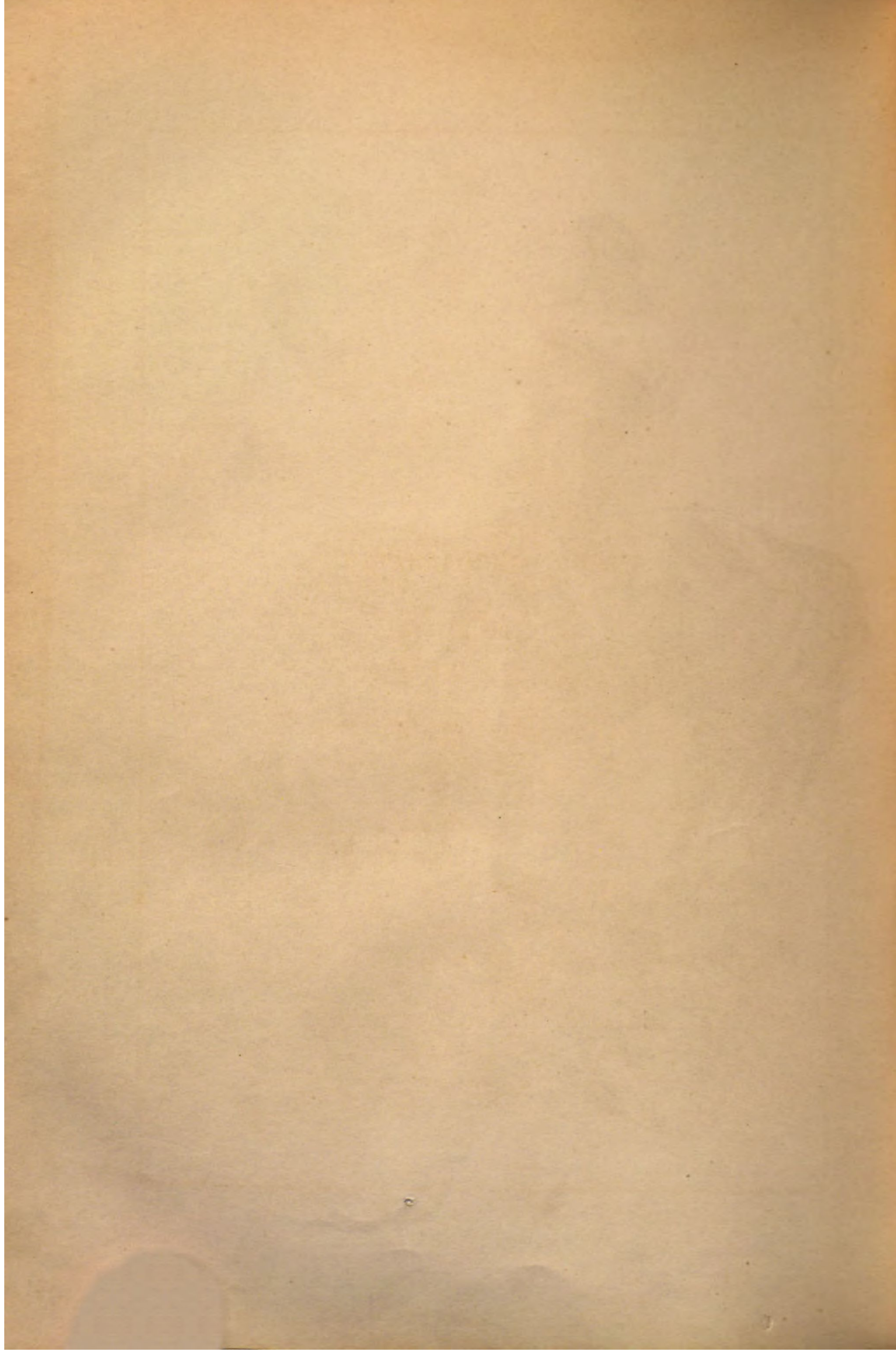
КЪ ПѢСНИ ДЕСЯТОЙ.

¹⁾ Евфросинія Ярославна, дочь князя Ярослава Владиміровича Галицкаго — вторая супруга Игоря, героя поэмы. Во время похода мужа на половцевъ, она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына своего Владиміра.

²⁾ Здѣсь рѣчь идётъ о Святославѣ Всеволодовичѣ Кіевскомъ, двоюродномъ братѣ Игоря, и о его походѣ на половцевъ въ 1184 году, который, какъ извѣстно, окончился разбитіемъ Кобыка и плѣномъ самого хана.

³⁾ Насады — суда, ладьи.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Князю Игорю не быть!

Прыснѣ море полѣночи,
Идѣтъ сморци мѣглами:
Игоревѣ Кнѣзю Богъ пѣтъ кажетъ
Изъ земли Половецкой
На землю Рускѣю,
Къ отню златѣ столѣ.

Погасоша вечерѣ зари:
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслю полѣ мѣритъ
Отъ великаго Донѣ
До малаго Донца.
Комонь въ полѣночи.
Овлѣръ свиснѣ за рѣкою —
Велитъ Кнѣзю развѣсти.
Кнѣзю Игорю не быть.

Въ полночь море взволновалось,
Небо тучами покрылось:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ Землю Русскую,
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная — вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь поле мѣритъ мыслию,
Что отъ Дону отъ великаго
До Донца-рѣки до малаго.

Конь готовъ и ждѣтъ съ полуночи.
Овлурь ¹⁾ свистнулъ за рѣкой вдали —
Подаѣтъ вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не откликнулся.

Кликнѣ стѣкнѣ землѣ:
 Рѣшѣмѣ трава;
 Рѣжи сѣ Половецкѣи подвижашасѣ.

А Игорь Кнѣзь
 Поскочи горнастаемѣ къ тростию,
 И бѣлымѣ гоголемѣ на водѣ;

Рѣзвресѣ на брѣзѣ комонѣ,
 И скочи сѣ него босымѣ вѣзкомѣ,
 И потече къ лѣгѣ Донца,
 И полетѣ соколомѣ подѣ мѣглами,
 Избиваѣ гѣси и лебеди
 Завтракѣ и обѣдѣ и ѣжинѣ.

Коли Игорь соколомѣ полетѣ,
 Тогда Рѣзрѣ вѣзкомѣ потече
 Трѣсѣ совою стѣденѣю росѣ:
 Претрѣгоста во свомѣ брѣзѣ комонѣ.

Донецѣ рече:
 „Кнѣже Игорю!
 Не мало ти величѣ,
 А Кончакѣ нелюбѣ,
 А Рѣской землѣ веселѣ!“

Игорь рече:
 „О, Донче!
 Не мало ти величѣ,

Крикнулъ — поле всколебалось,
 Зашумѣлъ ковыль серебряный,
 Съ ними вежи половецкія
 Потряслися. Игорь доблестный
 Горностаемъ проскочилъ тростникъ,
 Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
 На коня стрѣлою кинулся,
 Бѣсымъ волкомъ соскочилъ съ него,
 Побѣжалъ къ Донцу родимому,
 Къ луговому его берегу
 И взвился могучимъ соколомъ,
 Убивая подъ туманами
 Лебедей съ гусями къ завтраку,
 На обѣдъ себѣ и къ ужину.

Игорь нёсся яснымъ соколомъ,
 Влуръ бѣжалъ по полю чистому
 Сѣрымъ волкомъ, отряхаячи
 По пути росу холодную:
 Надорвалъ коня дорогою.

Говоритъ ему Донецъ-рѣка:
 «Много, князь, тебѣ величія,
 Кончаку-врагу нелюбія,
 А землѣ родной веселія!»

Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
 «О Донецъ! не мало доблести
 И тебѣ, что князя Игоря

ДелѣвшѸ Кнѣзѧ на вѣзнахѸ,
 СтавшѸ емѸ зелѣнѸ травѸ
 На своихѸ сребренныхѸ врезѣхѸ,
 ОдѣвавшѸ его теплыми мѣглами,
 Подѣ сѣню зеленѸ древѸ;

Стрежаше є гоголемѸ на водѣ,
 Чайцами на стрѣлахѸ,
 Чръными на ветрѣхѸ.

„Не тако ли, рече,
 Рѣка Стѣгна хѣдѸ стрѣю имѣѧ,
 Пожрѣши чѣжи рѣчьи,
 И стрѣгы ростре на кѣстѸ?”

„УношѸ Кнѣзю РостиславѸ
 Затвори ДнѣпрѸ темнѣ березѣ.

„Плачется мати Ростиславѧ
 По Уноши Кнѣзи Ростиславѣ.

„Уныша цвѣты жалобою
 И древо стѣгою
 Кѣ земли прѣклонило.”

А не сорокы втроскоташа:

На слѣдѸ Игоревѣ
 ЪздитѸ ГзакѸ съ КончакомѸ.

На волнахъ своихъ серебряныхъ
 Ты лелѣялъ, устилаючи
 Берега травой зелёною,
 Одѣвая мглами тёплыми
 Подъ нависшими деревьями.

«Ты стерёгъ его заботливо
 На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
 На струяхъ рѣчною чайкою,
 Уткой-чернедью въ поднебесьѣ.
 Нѣтъ, не такъ, вздымаясь волнами,
 Мчится Стугна мелководная!
 Поглотивъ ручьи нагорные,
 Она струги о кустарники
 Раздробила, ненасытная,
 И навѣки заградила путь
 Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
 Ростиславу ². И заплакала
 Мать сѣдая Ростиславова
 По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
 «На лугахъ цвѣты душистые
 «Осыпаются отъ жалости,
 «А деревья, съ тихой грустію,
 «Надъ землею наклоняются.»

Не сорочье стрекотаніе
 Раздаётся въ отдаленіи:
 Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
 Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.

Тогда врани не граахѣтъ,
 Галици помлзкоша,
 Гороки не троскоташа,
 Полозю ползоша только,
 Дятлове тектомъ пѣть къ рѣцѣ кажѣтъ,
 Голови веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Млзвитъ Гзакъ Кончакови:
 „Аже соколъ къ гнѣздѣ летитъ,
 Соколича рострѣлѣвъ
 Своими злечеными стрѣлами.“

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
 „Аже соколъ къ гнѣздѣ летитъ,
 А въ соколца
 Опѣтаевъ красною дѣвицею.“

И рече Гзакъ къ Кончакови:
 „Аще его опѣтаевъ красною дѣвицею,
 Ни нама вѣетъ сокольца,
 Ни нама красны дѣвице:

То почнѣтъ наю птици бити
 Въ полѣ Половецкомъ.“

Стихло, вѣроны не каркали,
 Галки смолкли и съ сороками
 По деревьямъ только прыгали;
 Дятель путь къ рѣкѣ указывалъ;
 Соловей весѣлымъ пѣніемъ
 Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
 «Если соколъ ³⁾ улетитъ въ гнѣздо,
 Такъ стрѣлами золочеными
 Соколѣнка разстрѣляемъ мы.»

А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
 «Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
 Такъ красавицею-дѣвицей
 Соколѣнка мы опутаемъ.»

А Кончаку снова молвить Гзакъ:
 «Если дѣвицей-красавицей
 Соколѣнка мы опутаемъ,
 Не видать тогда намъ болѣе
 Ни соколика, ни дѣвицы,
 Нашей дѣвицы-красавицы —
 И начнутъ насъ птицы хищныя
 Бить средь поля половецкаго.»

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ОДИННАДЦАТОЙ.

¹⁾ Овлуръ или Влуръ, какъ называетъ его пѣвецъ Игоря, и Лавръ или Лавръ, какъ называетъ его лѣтописецъ — есть имя половчанина, мать котораго была русская, предложившая Игорю свои услуги и помогшая ему бѣжать изъ половецкаго плѣна.

²⁾ Ростиславъ Всеволодовичъ, сынъ великаго князя Всеволода I и Анны, дочери хана половецкаго, и братъ Владиміра Мономаха. Этотъ молодой князь, послѣ несчастнаго сраженія съ половцами (26-го мая 1093 года), спасаясь отъ плѣна, бросился въ рѣчку Стугну и, увлечённый тяжолымъ вооруженіемъ, утонулъ, не смотря на всѣ усилія Владиміра спасти его. Ростиславу было тогда всего 22 года.

³⁾ Здѣсь ханы говорятъ о Игорѣ (соколѣ) и его сынѣ Владимірѣ (соколикѣ), который оставался въ плѣну, послѣ бѣгства Игоря, еще около году. Онъ возвратился на родину въ 1187 году, женившись на красавицѣ половецкой дочери хана Кончака, названной здѣсь *красною дѣвицей*.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Здрави князи и дружина!

Рѣкъ Божиѣ и ходы на Свѣтѣславѣ

Пѣтворца стараго времени Ярославѣ

Ольгова Коганѣ хоти:

„Тяжко ти головы, кромѣ плечю;

Зло ти тѣлѣ, кромѣ головы:

Руской земли безъ Игорѣ.“

Солнце свѣтитсѣ на небесѣ:

Игорь Князь въ Руской земли.

Дѣвици поютъ на Дунаи.

Вьютсѣ голоси

Черезъ море до Кіева.

Вѣдь, сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ ¹⁾,
Пѣснотворецъ времёнъ Ярослава,
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
Жить безъ плечъ головѣ,
Тяжело богатырскому тѣлу
Безъ головушки жить!»
Такъ безъ Игоря быть
Землѣ Русской, родному удѣлу.

Солнце-свѣтъ въ небеси,
Игорь-князь на Русі.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы —
И летятъ голоса
Чрезъ моря и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

Игорь ѣдетъ по БоричевѸ
Къ Свѣтѣ Богородици Пирогощен.

Страны ради,
Гради весели,
Пѣвше пѣнь старымъ Кнѣземъ,

А потомъ молодымъ.

Пѣти слава Игорю Свѣтзславича,

Бѣй тѣрѣ Всеволодѣ,
Владимирѣ Игоревичѣ.

Здрави Кнѣзи и дружина,

Побарахъ за христьяны на поганымъ пазки!

Кнѣземъ слава,
А дружине аминь!

Игорь ѣдетъ домой —
Къ Пирогощѣ ²⁾ святой
По Боричеву ³⁾ путь направляетъ.
По дорогѣ народъ
Веселится, поётъ,
Своихъ старыхъ князей величаетъ,

А потѣмъ молодыхъ.
Такъ прославимъ же ихъ!
Слава Игорю, ихъ властелину!
Храбрецу, удалцу
Всеволоду-бойцу
И Владиміру, Игоря сыну!

Много здравствовать вамъ,
И князьямъ и войскамъ,
Поборавшимъ всегда и до нынѣ
За мирянъ-христіанъ
На полки басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДВѢНАДЦАТОЙ.

¹⁾ Судя по смыслу этого мѣста, Коганъ былъ пѣвецъ времёнъ Ярослава и, подобно Бояну, пользовался въ своё время извѣстностью. (Миѣніе Полевого).

²⁾ Такъ называлась церковь во имя Св. Богородицы *Пирогощей* въ Кіевѣ (заложена Мстиславомъ Великимъ, въ 1131 году), по образу Богоматери, привезенному купцомъ Пирогощею изъ Цареграда. Нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился храмъ Пирогощей Богородицы, или около него, стоитъ церковь Андрея Первозваннаго.

³⁾ Такъ назывался въ древнія времена одинъ изъ кіевскихъ спусковъ къ Днѣпру, гдѣ былъ перевозъ. Нынѣ близъ этого спуска стоитъ Михайловскій *златоверхій* монастырь.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Складомъ повѣстей невзгодъ...

Этимъ сочинитель «Слова» хочетъ сказать, что онъ взялся описать своего героя въ томъ духѣ, или такъ, какъ излагались до него всѣ героическія (трудныя) повѣствованія — языкомъ, издавна для нихъ установленнымъ, по нашему — поэтическимъ, украшеннымъ. Отсюда можно заключить, что въ отдалённый отъ насъ вѣкъ игоревъ уже была народная литература и требовалось отъ сочиненія не одного достоинства мыслей, но вмѣстѣ и изящества отдѣлки по тогдашнимъ понятіямъ, и что уже существовали предѣлы между стилями, или аналогія идеи со звукомъ.

II.

*По былинамъ нашихъ дней —
Не по замысламъ Бояна.*

«Элементъ баснословнаго вымысла (замышленія бояновъ), господствовавшій въ пѣсняхъ *старого времени*, въ пѣсняхъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману*, съ развитіемъ жизни въ концѣ XII вѣка долженъ былъ уступить въ поэзіи мѣсто элементу исторической положительности (поэзіи по былинамъ сего времени). Кромѣ того, вымысль эпическій, столь тѣсно соединённый съ вымысломъ языческой мифологіи, долженъ былъ исчезнуть въ русской книжной поэзіи скорѣе, нежели во всякой другой, и вслѣдствіе вліянія христіанства. Такимъ-образомъ, очень естественно, что пѣснь нашего эпическаго поэта XII вѣка началась, какъ онъ говоритъ, *по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*. (Туловъ.)

III.

.... носился *мыслю-птицей*
По дубравамъ, по лѣсамъ.

Пѣвецъ Игоря, восторженный почитатель бояновыхъ пѣснопѣній, сравниваетъ ихъ вольное теченіе то съ бѣгомъ *страго волка*, то съ ширяніемъ *сизаго орла* подъ облаками, то, наконецъ, съ пареніемъ *мысли* по дереву. Заимствуя первыя два сравненія изъ сказочнаго міра древней Руси, въ которомъ они играютъ такую важную роль (особенно

въ южно-русскихъ думахъ и пѣсняхъ), съ чѣмъ ещё могъ онъ сравнить дивныя созданія своего любимаго пѣснотворца — *соловья стараго времени*, какъ не съ мыслью чело-вѣка, способною уноситься *выше тучъ ходячихъ*, куда не залетали и сказочные герои древняго міра? Не смотря на то, что мысль подлинника выражена ясно, нѣкоторые переводчики «Слова» находятъ въ этомъ поэтическомъ уподобленіи, одни — пропускъ, а другіе — описку въ словѣ *мысли*, и основываютъ свои догадки на томъ, что пѣвецъ Игоря, взявъ два сравненія изъ царства животныхъ, необходимо долженъ былъ заимствовать оттуда и третье уподобленіе. Такъ, напримѣръ, Левитскій и Де-ла-Рю, предпо-лагая описку, замѣняютъ слово мысль, первый — *птицей*, а второй — *соловьёмъ*. Что же касается — Вельтмана, то онъ, полагая послѣ слова мыслью — пропускъ, перево-дитъ это мѣсто такимъ образомъ: «Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго мысли текли въ вышину такъ, какъ соки по дереву.» Эти догадки заслуживаютъ быть упомянутыми уже по одному тому, что нашъ великій Пуш-кинъ также предполагалъ здѣсь описку, и читалъ: *вмѣсто мыслию — мышію*.

Не смотря на вѣроятность этихъ догадокъ, основан-ныхъ на доказательствахъ болѣе или менѣе правдоподоб-ныхъ, онѣ опровергаются другимъ мѣстомъ текста «Слова», именно стихомъ: *Скача славню по мысленѹ древѹ*, въ кото-ромъ та же мысль выражена яснѣе. Тамъ онъ растекает-ся мыслию по дереву, а здѣсь онъ скачетъ соловьёмъ по мысленному дереву. Сравнивъ оба мѣста, можно вывести такое заключеніе, что *древѹ* у пѣвца Игоря означаетъ —

воображеніе, по вѣтвямъ котораго порхаетъ Боянъ — соловей стараго времени.

Такъ-какъ цѣль моего перевода есть возможно-близкое воспроизведеніе подлинника, то я и старался не вдаваться въ произвольное толкованіе текста «Слова» въ ущербъ вѣрности перевода, за исключеніемъ нѣсколькихъ совершенно-тѣмныхъ мѣстъ, вѣроятно искаженныхъ переписчиками и потому лишенныхъ всякаго смысла.

IV.

*А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ воспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебёдокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ.*

Нѣкоторые изъ переводчиковъ и изслѣдователей «Слова о полку Игоря» переводятъ это мѣсто не буквально, какъ слѣдуетъ его понимать, а иносказательно; именно: полагаютъ, что въ древности былъ обычай пускать десять соколовъ на стадо лебедей. Одни утверждаютъ, что князя пускали своихъ соколовъ, а чей соколъ прежде долеталъ до лебедей, тому и пѣли хвалебную пѣснь; другіе же полагаютъ, что ихъ пускали пѣвцы — и чей соколъ долеталъ прежде до лебединого стада, тотъ имѣлъ право воспѣвать князей; хотя въ подлинникѣ ничего не говорится объ этой забавѣ. Право, не стоитъ ломать головы, переставлять слова

и относить ихъ къ предыдущимъ или послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно-выраженной мысли дать желаемое значеніе! По моему мнѣнію — это фигура, или, лучше, поэтическое уподобленіе, какихъ весьма много въ «Словѣ» и которыя, несмотря на то, большею частію изслѣдователей переведены слово въ слово. Сочинитель здѣсь говоритъ объ одномъ Боянѣ, который, при воспоминаніи о прежнихъ междоусобіяхъ, пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, послѣ чего самъ объясняетъ свою аллегорію:

Не на стадо лебедѣй
Нашъ Боянъ, нашъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ:
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокошущимъ струнамъ
И онъ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Быть-можетъ, скажутъ, что тутъ мысль не совсѣмъ ясно выражена! Но отчего же въ другихъ мѣстахъ «Слова» такія же точно фигуры и выраженные такъ же точно — переведены буквально? Неужели уподобленіе *обиды* — фантастической дѣвѣ выражено яснѣе? или фраза: *рози носъ имъ хоботы пашѣтъ* — болѣе походить на уподобленіе? Я перевелъ это мѣсто буквально, потому-что, какъ уже сказалъ выше, мысль здѣсь ясна и не требуетъ комментарій.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

..... мчась по слѣдамъ
Героя Трояна....

Пѣвецъ «Слова» четыре раза упоминаетъ о Троянѣ, именно: во второй пѣсни о *тропѣ* (дорогѣ) *трояновой*, въ четвертой и девятой — о *вѣкѣ* *трояновомъ*, и, наконецъ, въ шестой — о *землѣ* *трояновой*; но кого онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ: императора ли Трояна, какъ думаютъ одни, или Владиміра Святаго, какъ предполагаютъ другіе, или, наконецъ, мѣстечко Трояны (Смоленской губ.), какъ объясняютъ третьи, рѣшить трудно.

Тропа *трояна* въ буквальный переводъ значитъ — дорога *троянова* (*via Trajani*). Хотя дорога эта, какъ извѣстно изъ исторіи и сульцеровой карты Валахіи, дѣйствительно шла отъ береговъ Дуная до рѣки Прута и далѣе на востокъ по южной Россіи и даже низовая сторона Дуная, отъ рѣки Прута, называлась: *provincia Trajani*, а остатки такъ называемаго *троянова* вала еще до сихъ поръ существуютъ въ Бессарабіи, — однако всё это ещё не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что пѣвецъ Игоря подъ словомъ Троянъ разумѣлъ римскаго императора. Основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полевого, что «Троянъ здѣсь не римскій императоръ,

а что-нибудь такое, чему надо искать объясненій на Руси: такъ Владиміръ Первый названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памятникѣ». Къ сожалѣнію Полевой не упомянулъ о названіи этого памятника.

II.

..... сова завываетъ

Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.

Въ подлинникѣ сказано: Дивъ кличетъ врѣхѣ дрѣва. Что такое должно разумѣть подъ словомъ *дивъ* — положительно сказать трудно, тѣмъ болѣе, что объясненія этого слова большей части его толкователей сбивчивы, разногласны, и почти всѣ ограничиваются однѣми догадками, часто ничего не доказывающими. Первые издатели «Слова» полагали, что *дивъ* значитъ — *пугало*, *сѣно-воронъ*, или *ночной воронъ*, что весьма правдоподобно. Но покойный Максимовичъ опровергаетъ это мнѣніе, и называетъ дива — духомъ тьмы, основываясь на томъ, что воображеніе персіянъ населило свою преисподнюю духами того же имени. Еще мудренѣе переводятъ это слово новѣйшіе переводчики. Такъ, наприимѣръ, г. Минаевъ, въ своёмъ стихотворномъ переложеніи «Слова», изданномъ имъ въ 1846 году, сдѣлалъ изъ дива — *лышаго*, «котораго біографію», по его словамъ, «волна исторіи такъ хорошо донесла до нашихъ временъ, затопя почти всѣхъ боговъ славянской міѳологіи».

Удачнѣе другихъ объясняетъ это слово докторъ Гай, изъ Загреба (Аграма). Онъ утверждаетъ, что дивъ есть зловѣщая птица, въ доказательство чего приводитъ то, что

почти у всѣхъ племёнъ западныхъ славянъ дивомъ называется — удодъ, крикъ котораго у дунайскихъ славянъ, подобно крику совы, или карканью ворона, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

III.

О, Русь! о, родная! ужъ ты за *курианомъ*!

Бутковъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игоря, принимаетъ слово *шеломя* за Изюмскій курганъ (возлѣ котораго, какъ извѣстно, русскіе переправились черезъ Донецъ), что весьма правдоподобно. Пѣвецъ «Слова», какъ будто съ удивленіемъ, или ужасомъ говорить, что русская земля или русская сила за высокимъ курганомъ, далеко въ степяхъ половецкихъ, у Дона, близъ Лукоморья, и что ей остаётся только побѣдить или умереть.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Владиміръ *уши затыкалъ*.

То-есть — любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ. Гибельный обычай князей того времени дружитья съ ино-племенниками и призывать ихъ, во время междоусобныхъ войнъ, для грабежа и злодѣйствъ въ нѣдра государства,

всего болѣе обезславилъ князей черниговскихъ. Владиміръ Мономахъ гнушался этимъ; что и было главною причиною любви народной къ его племени.

II.

*И привела на судъ свой слава
Бориса, сына Вячеслава,
И положила на ковѣръ —
На бархатъ конскаго покрова —
За оскорбленье, за позоръ
Олега князя молодого.*

Олегъ считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодомъ, въ Черниговѣ, гдѣ, по волѣ дядей, долженъ былъ жить праздно, лишенный удѣла. Онъ хотѣлъ свободы и волости, бѣжалъ въ Тьмутаракань къ брату своему Роману Святославичу Красному, тамъ княжившему, и рѣшился вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастья оружіемъ. Нанявъ половцевъ, союзники вошли въ предѣлы черниговскіе. Сначала счастье имъ благопріятствовало: они разбили Всеволода и заставили его удалиться въ Кіевъ. Побѣдители вступили въ Черниговъ и думали, что всё государство должно будетъ признать ихъ власть. За этимъ послѣдовала битва нѣжатинская, стоившая жизни Борису Вячеславичу и рѣшившая участь его крамольнаго союзника. По этому — за обиду Олгову, могло значить: за обиду нанесенную дядями Олегу. Борисъ пострадалъ, какъ единомышленникъ Олега.

III.

*И Святополкъ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ Софіевскаго храма.*

«Ежели принять, что опечатка только въ словѣ — я, вмѣсто *ятъ* или *яти* (взять): то-есть Святополкъ повелѣлъ (Ярополку) взять тѣло, допустить, что *Каяла* здѣсь значитъ *половцы*, приведённые Олегомъ изъ Тьмутаракани къ Чернигову, то подъ словомъ *отца* можно разумѣть Изяслава I, великаго князя, убитаго въ сраженіи у села Нѣжатины — и тутъ будетъ историческая достовѣрность.» (Дубенскій.)

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

Возстаётъ обида кровная.

Г. Пожарскій полагаетъ, что *обида* уподоблена здѣсь языческой богинѣ Дѣванѣ или Діанѣ — божеству Тавровъ, древнихъ обитателей Крыма. По мнѣнію же г. Максимовича эта «*дѣва-обида*» напоминаетъ литовскую *дѣву-чуму*, которая огненнымъ платомъ навѣваетъ смерть заразы на землю». Оба эти предположенія ошибочны. Объясненія нѣ-

которыхъ загадочныхъ для насъ словъ, встрѣчающихся въ этой поэмѣ, должно скорѣе искать между племенами славянскими, а не въ Литвѣ или Тавридѣ. По этому мысль г. Дубенскаго, «что не лучше ли подразумѣть здѣсь *дымъ судныхъ*, какъ въ судѣ Любуши» — гораздо правдоподобнѣе.

II.

*.... изъ рога огне-мѣтнаго
Извертали пламя лютное.*

«Это, кажется, поясняетъ огнестрѣльный снарядъ, которымъ въ томъ же году (1185, марта 1-го дня) дѣйствовалъ бесерменинъ, или хазарскій турка, живымъ огнемъ стрѣлявшій. Кончакъ, ханъ половецкій, имѣлъ его при себѣ съ тѣмъ, какъ сказано въ «Кіевской Лѣтописи», *чтобы пожещи огнемъ грады рускыя.... Смагъ мыкати въ пламянѣ розѣ* — не значить-ли: *огонь* или *дымъ* *кидать изъ наполненнаго пламенемъ рога?*» (Дубенскій.)

III.

*Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.*

То-есть — Кошкѣво, какъ сказано въ подлинникѣ. Кошеями же назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, козарскіе, литовскіе и другіе, что свидѣтельствуется лѣтописями. Слѣдовательно фраса: *высѣдѣ* изъ

сѣдла злата а въ сѣдло Кошнѣво — значить стать изъ князя плѣнникомъ, а не пересѣсть

«..... въ сѣдло
Простого оружника,
Чтобъ въ полѣ неузнаннымъ
Отдаться на жребій»,

какъ перевёлъ г. Минаевъ; и ужъ конечно — не пересѣсть «изъ золотого сѣдла въ сѣдло изъ *дохлятины*», какъ ухитрился перевести это мѣсто одинъ изъ позднѣйшихъ переводчиковъ «Слова».

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

I.

*Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнёмъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба, семьёю
Его сыновей удалыхъ.*

«Пламенный рогъ (смотри выше, пѣснь VI, примѣчаніе 3) не назывался ли шереширами, съ которыми здѣсь сравнены сыны Глѣбовы (князья рязанскіе)? Словами: живыми и по-сѣхъ — не намекаетъ ли поэтъ на греческій огонь каллиниковъ, который употреблялся на водѣ? Въ такомъ смыслѣ будутъ шерешіры огнестрѣльное оружіе, которымъ дѣйство-

вали на сухомъ пути, и можетъ-быть, *смаговницы* — родъ пищалей.» (Дубенскій.)

II.

*Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть.*

«Галицкіе князья владѣли странами отъ горъ Карпатскихъ до устьевъ Серета и Прута; могло статься, что пѣвецъ Игоревъ стихотворно назвалъ ихъ, или пространство между ними по Дунаю, воротами.» (Дубенскій.)

III.

*И, правя суды до Дуная,
Далѣко простеръ свою власть.*

«Ярославъ вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ боярами, думая, что дѣла гражданскія ещё важнѣе воинскихъ для государя... Союзникъ греческаго императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему россияне прозвали его Осьмомысломъ.» («Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, изд. VI, т. III, стр. 75.)

IV.

*Стрѣляешъ могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далёкой земль.*

По мнѣнію г. Дубенскаго, пѣвецъ Игоревъ могъ здѣсь разумѣть походъ Фридриха Барбаруссы на героя востока, *султана* Саладина, приготовленіями къ которому онъ былъ занятъ около 1185 года. Галичане, вмѣстѣ съ венгерцами, могли принять участіе въ походѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, были вызываемы на святое дѣло сильнымъ сосѣдомъ. Это предположеніе весьма правдоподобно, тѣмъ болѣе, что сочинитель «Слова» прибавляетъ: за зѣмлями, какъ бы за дальними — за Венгрією, за Грецією.

V.

..... латинскіе шлемы

Латинами назывались у насъ поляки, венгерцы, чехи, рижскіе нѣмцы и другіе сосѣдніе народы, исповѣдывавшіе *вѣру латинскую*.

VI.

*О Ингварь и Всеволодъ буйный!
И вмѣстѣ три брата лихихъ
Мстиславича*

Здѣсь идётъ рѣчь о трѣхъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго (бывшаго великимъ княземъ кіевскимъ прежде Свя-

тослава): Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ только два первые названы по имени, потому-что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше (смотри пѣснь VIII, примѣчаніе 8). Мстиславичами называется ихъ сочинитель «Слова» по дѣду ихъ Мстиславу II, или по пра-дѣду Мстиславу Великому, старшему сыну Мономаха.

VII.

..... шестокрыльцы

Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ.

Сравнивши младшій домъ Мстиславовъ съ гнѣздомъ, котораго представителями въ вѣкѣ Игоревъ были — Ингварь, Всеволодъ и Мстиславъ, авторъ полагалъ, что у трѣхъ этихъ птенцовъ, потомковъ Мстислава Великаго, тогда будетъ шесть крылъ. (Мнѣніе Карамзина.)

VIII.

Не жребьемъ побѣднымъ достигли

Вы власти...

Ростиславичи — старшая линія дома Мстиславова, и Мстиславичи — младшая, съ согласія великихъ князей, получили въ удѣлъ заднѣпровскія области, изъ коихъ за Ростиславичами осталась Кіевская область (имъ же принадлежалъ и Смоленскъ), а Мстиславичи получили Луцкъ и Владиміръ на Волыни (имъ же достался въ это время и Галичъ). Пѣвецъ Игоревъ именно этимъ хотѣлъ сказать,

что Мстиславичи стали князьями своихъ волостей, какъ законные наслѣдники, а не какъ завоеватели.

IX.

Свои ворота оградите

Стрѣлами отъ вражскихъ племѣнъ.

Переяславская область, прилегая съ юго-запада, между устьями Десны и Псѣла, къ Днѣпру, граничила съ этой стороны съ заднѣпровскими областями, гдѣ княжили въ то время потомки Мстислава Великаго: Мстиславичи и Ростиславичи. Основываясь на этомъ изысканіи, г. Дубенскій полагаетъ, что не устья ли этихъ двухъ рѣкъ со стороны Кіевской области называетъ пѣвецъ Игоря воротами въ Переяславскую волость, моля Мстиславичей загородить ихъ острыми стрѣлами.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

*Ужь къ Переяславу городу рѣчка Сула сере-
бристыхъ*

Струй не катитъ

Здѣсь сочинитель говоритъ, что Сула не принадлежитъ болѣе къ Переяславской области, гдѣ княжилъ Владиміръ

Глѣбовичъ, отразившій половцевъ отъ Переяславля, при чёмъ былъ раненъ и не могъ подать помощи жителямъ города Римъ (Роменъ), къ стѣнамъ котораго течётъ Сула.

II.

.....

нынѣ

Стяги его, доставшия Рюрику съ братомъ
Давыдомъ,

*Словно волы, запряжѣнные въ плугъ, подъ яр-
момъ ненавистнымъ*

Никнутъ

Роси носъ имъ хоботы пашутъ, какъ сказано въ подлинникѣ, есть одно изъ самыхъ тѣмныхъ мѣстъ въ поэмѣ, вѣроятно искаженное переписчиками. Напрасно ученые изслѣдователи «Слова» ломали голову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, сilesь разъяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы! тайна осталась тайною, хотя переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ переводовъ:

ПЕРЕВОДЪ ПИШКОВА.

Знамѣна Владиміровы достались Рюрику и Давыду, вторые, *нося ихъ на рогахъ, землю вспахиваютъ.*

ПЕРЕВОДЪ ПОЖАРСКАГО.

Сего же, нынѣ стали знамена Рюриковы, а другія Давыдовы; но сіи, *сдѣлавшись могущими, въ сапогахъ землю пахутъ.*

ПЕРЕВОДЪ ГРАММАТИНА.

Нынѣ знамена его стали одни Рюриковы, а другіе Давыдовы; но *враги ихъ, впряженные въ плугъ, вмѣсто воловъ, пахутъ на нихъ.*

ПЕРЕВОДЪ МАКСИМОВИЧА.

Знамена его уже стали Рюриковы, другіе — Давыдовы, но *рога нося имъ пахутъ хвосты.*

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Знамена его достались одни Рюрику, а другіе Давиду; но *когда и они носятъ трубы, то знамена развѣваются.*

ПЕРЕВОДЪ БИЦЫНА.

А нынѣ его знамена — одни князь-Рюриковы, а другія — Давыдовы, и *ужь врозницу развѣваются ихъ лохмотья.*

Будучи недоволенъ всѣми этими переводами, ещё болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

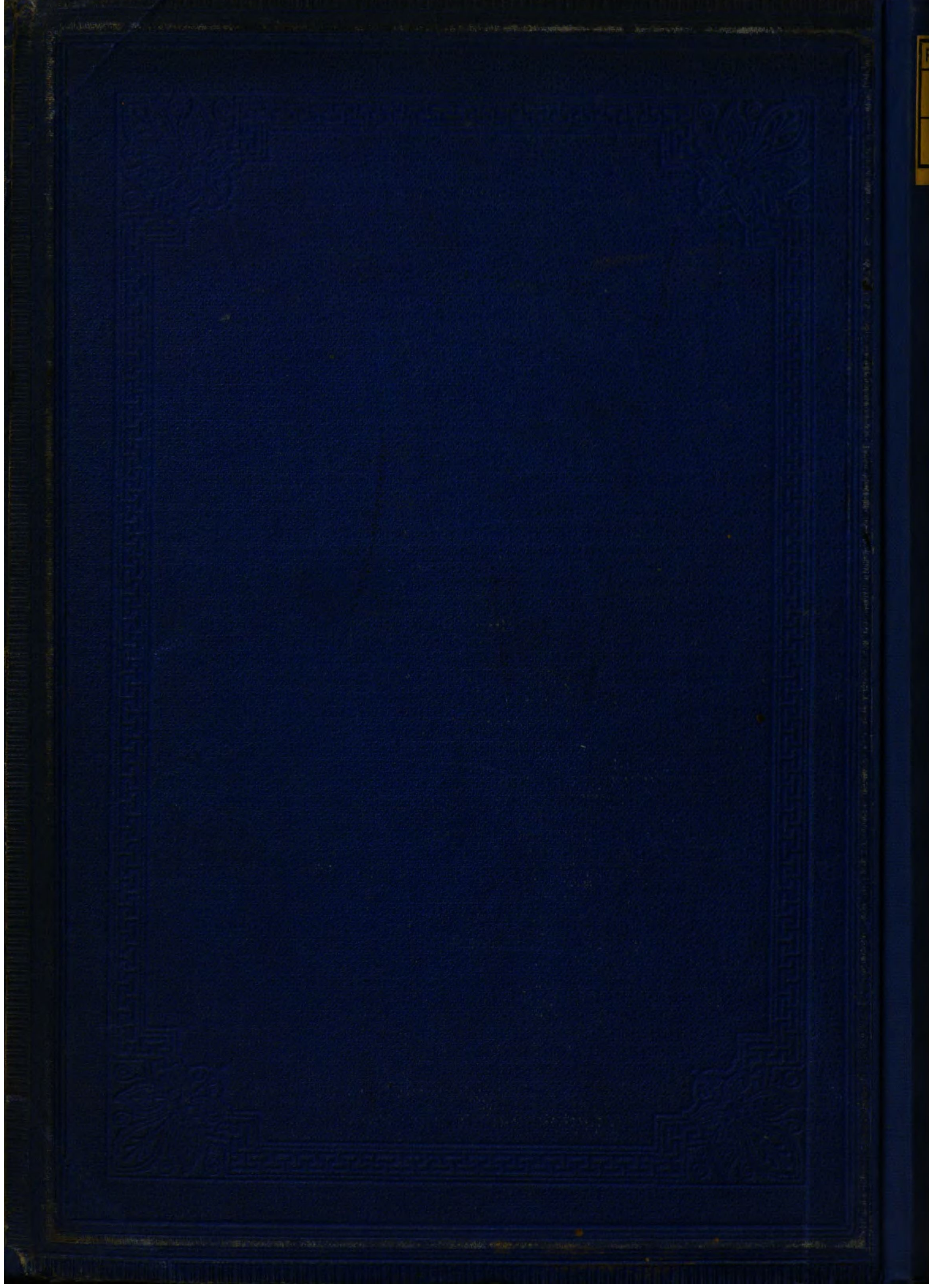
опасаясь дать волю своей фантазіи, чтобы не зайти ещё далѣе, я рѣшился отказаться отъ удовольствія пояснить это мѣсто по свѣду, въ надеждѣ найти хотя сколько нибудь удовлетворительное истолкованіе помянутаго мѣста въ одномъ изъ стихотворныхъ переложеній «Слова», блистающихъ яркими красками фантазіи. И не ошибся. Перебравъ бывшія у меня подъ рукой изданія, я остановился на переводѣ г. Минаева, который и помогъ мнѣ уяснить себѣ это тѣмное мѣсто подлинника.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стан.
Предисловіе	v
Пѣснь 1-я. Запѣвъ.	1
Пѣснь 2-я. Вѣщее затмѣніе	7
Пѣснь 3-я. Побѣда	19
Пѣснь 4-я. Воспоминаніе пѣвца объ усобицахъ	27
Пѣснь 5-я. Пораженіе	33
Пѣснь 6-я. Плачь пѣвца	39
Пѣснь 7-я. Сонъ Святослава	49
Пѣснь 8-я. Воззваніе къ князьямъ	59
Пѣснь 9-я. Воспоминаніе о минувшемъ.	71
Пѣснь 10-я. Плачь Ярославны	81
Пѣснь 11-я. Бѣгство Игоря	89
Пѣснь 12-я. Возвращеніе	99
Общія примѣчанія	105

Gerbel', Nikolaj Vasil'evič, 1827-1883

Slovo o pŕlku Igorevŕ Igor' Knjaz' Sŕverskij. Poŕma v dvŕnadcati pŕsnjach.
Perevel s drevne-russkago Nikolaj Gerbel'

Sanktpeterburg 1876

4 P.o.russ. 2 c

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11329355-0